

Святой Иоанн Кронштадтский

О МОЛИТВЕ

и ее значении
в жизни христианина

Святой Иоанн Кронштадтский
О МОЛИТВЕ

**и ее значении
в жизни христианина**

**Извлечения из дневника
с комментариями пастырей**

Минск
Белорусская Православная Церковь

УДК 271.21-42

ББК 86.372

C25

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Белорусского Экзархата
Московского Патриархата.
Решение № 8 от 02.04.2013 г.*

Текст печатается по изданиям:

Иоанн (Сергиев), св., прав. О молитве.

Из дневника отца Иоанна Кронштадтского. —

М.: Тип. И. Д. Сытина и К., 1893. — 31 с.

Дружинин А., прот. Значение молитвы в жизни
христианина по учению отца Иоанна Кронштадтского. —

Казань: Центр. тип., 1910. — 43 с.

Святой Иоанн Кронштадтский о молитве
и ее значении в жизни христианина. Извлече-
ния из дневника с комментариями пасты-
рей : сб. / сост. А. В. Велько. — Минск :
Белорусская Православная Церковь, 2014. —
143 с.

ISBN 978-985-511-669-2

© Оформление. Белорусская
Православная Церковь
(Белорусский Экзархат
Московского Патриархата),
2014

О МОЛИТВЕ

*Из дневника протоиерея отца Иоанна
Кронштадтского*

Любители духовно-нравственного чтения с удовольствием, конечно, встретили издание дневника почтенного Кронштадтского протоиерея отца Иоанна Ильича Сергиева. Этот сборник, вышедший под заглавием «Моя жизнь во Христе»*, есть духовный плод «минут духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге» почтенного пастыря. В минуты «благодатного озарения души», которого удостоивался автор «от всепросвещающего Духа Божия во время глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно молитвы», ум автора порождал мысли, глубоко проникавшие в существо духовных предметов, и отец Иоанн, когда мог, записывал эти «благодатные

* Имеется в виду издание св. прав. Иоанна Кронштадтского: *Моя жизнь во Христе, или Минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге / Извлечение из дневника протоиерея Иоанна Ильича Сергиева.* — М., 1892.

мысли и чувства» для своего назидания сперва, а теперь предлагает их всем, для которых только дорога их «жизнь во Христе». По самому происхождению своему книга не может быть рядом отвлеченных рассуждений, изложенных стройно и последовательно, по заранее предположенному распорядку предметов; автор записывал изливания своего духа по мере их появления и воспоминания; мысль касалась самых разнообразных духовных вопросов, предметов веры и духовной жизни; иногда его духовному взору открывалась яснее одна сторона какого-либо явления духовной жизни, иногда — другая. Автору, вероятно, не хотелось холодным ножом рассекать живые явления духовного опыта, являвшиеся слитно; не хотелось и сливать явлений, предносившихся духовному взору отдельно. От этого его книга выиграла; перед нами сама духовная жизнь автора, изложенная просто, иногда безыскусственно, иногда красноречиво до увлекательности, но всегда тепло, одушевленно, живо, прозрачно, ясно.

Нам хотелось бы познакомить читателей с этой замечательной книгой. Для этого мы берем «благодатные мысли и чувства» автора именно *о молитве*, и не без оснований. Молитва в жизни христианина имеет громадное значение. «Что для тела свет солнца, — говорит Златоуст, — то для души молитва. Она есть занятие общее человеку с Ангелами; ею вступаем мы в их общество, делаемся соучастниками их жизни, состояния, достоинства, благородства, мудрости, разумения. Кто не молится Богу и не имеет усердия постоянно беседовать с Ним, тот мертв, бездушен, бессмыслен. Молитва делает жизнь человека правильною и стройною, не допускает в душу ничего низкого и недостойного, поселяет отвращение к порочным наслаждениям; никто без молитвы не может вести жизнь добродетельную». Еще сильнее и подробнее выясняется сущность и значение молитвы в символической книге Православной Церкви, именно в Послании восточных Патриархов (Послание Патриархов Восточно-Кафолической Церкви

о православной вере, 1723. — *Ред.*). «Молитва есть, — говорится там, — собеседование с Богом, восхождение к Богу, благочестивое, устремленное к Богу расположение, мысленное искание горнего, врачевство души святой, служение приятное Богу, признак покаяния и твердого упования. Она укрепляет веру и надежду, учит терпению, соблюдению заповедей и особенному испрошению благ небесных, она произращает многие плоды, исчисление коих излишне». Она есть «пища и жизнь души». Тот, кто требует доказательства сему, подобен «слепому, во время ясного полудня сомневающемуся во свете солнечном». «Молитва есть дыхание духовного человека, — говорит святитель Филарет. — Как дыханием телесный человек привлекает окружающий воздух и вдыхает из него жизненность и силу, так молитвою душа отверзает себя везде присутствующему Духу Божию и приемлет от Него жизнь и силу духовную».

Послушаем же теперь, что говорит о молитве тот пастырь, сила и действенность мо-

литвы которого известна не только во всех концах России, но и за границей, — послушаем его мыслей о молитве, которые являлись, по его словам, в «минуты благодатного озарения, особенно во время *молитвы*».

Молитва, ее сущность, значение и сладость

«**М**олитва есть дыхание души, как воздох — дыхание естественное тела. Мы дышим Духом Святым. Ни одного слова молитвы не можешь сказать от всего сердца без Духа Святого. Молясь, усты ко устам с Господом беседуешь, и если имеешь открытые верою и любовью уста, в то же время как бы вдыхаешь из Него просимые духовные блага Духом Святым»*. «Молитва — золотая связь человека-христианина, странника и пришельца на земле, с миром духовным, коего он член, и паче всего с Богом — Источником жизни; от Бога исшла душа, к Богу и да грядет выну чрез молитву. От молитвы великая

* Здесь и далее цитаты из дневника св. прав. Иоанна Кронштадтского приведены по указанному выше источнику.

польза для молящегося: она упокоивает душу и тело; она упокоивает не только душу самого молящегося (Аз упокою вы!), но и часто души преставльшихся праотец, отец и братьев наших. Видите, как важна молитва! «Как дым от горящего дерева идет в воздух, так душа уходит из тела, предавшегося горению тления». «Молитва — дыхание духовное. Все церковные молитвы — дыхание Духа Святого, как бы духовный воздух и вместе свет, духовный огонь, духовная пища и духовное одеяние». Поэтому-то «доколе стоим на усердной молитве, дотолем и тепло, и легко, и светло на душе, оттого что мы тогда с Богом и в Боге; а как с молитвы долой, так и пошли искушения, разные смущения. О, преблаженное время молитвы!» «Хорошо стоять на солнце: и тепло, и светло, — так и на молитвах пред Богом — нашим духовным Солнцем — и согреваешься, и просвещаешься». — «Молитва есть омовение души от духовной грязи».

«Здесь, в мире суеты, в мире прелюбодейном и грешном, непрестанно и часто незаметно души и тела наши *червь и тля тлит,*

татие мысленные *подкапывают и крадут* (Мф. 6, 19) сокровища души, *правду и мир, и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17). Какое же верное средство от этого постоянного растления греховного, от этих мысленных татей? Молитва покаяния и веры. Она оживляет, воскрешает истлевающую в обольстительных похотях душу нашу, прогоняет мысленных татей; она — бич их, а для нас — источник силы, жизни и спасения. — Слава о сем Господу! Молитва и предохраняет, и избавляет нас от греха. С молитвою веры хорошо живетя, ибо при молитве живем с Господом, Который просящим обещал всякие блага: *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9)».

Если таков высокий духовный смысл молитвы и таково великое значение ее в духовной жизни христианина, то понятно, какое великое благодеяние дано человечеству в том, что оно может молиться.

«Какая безмерно великая честь человечеству, что оно может отверзать уста свои

пред Богом, вступать с Ним в беседу, просить Его о своих нуждах, благодарить за благодеяния, славословить Его за неизреченную велелепоту Его и быть уверенным, что эта жертва благодарения и славословия приятна Богу, что лучшие, духовные, ко спасению душ наших относящиеся прошения наши всегда исполняются. Как и в этом отношении человек безмерно превознесен пред всеми чувственными и одушевленными тварями. Ни одна тварь не получила от Бога такой чести, хотя и они имеют свой язык, выражающий нужды их природы, ибо сказано, что *и птенцы врановы призывают Господа* (Пс. 146, 9). Будем же пользоваться этой высокой честью для того, чтобы заслужить от Господа еще большие почести — горнего звания. Там, на небе, наша полная слава, а здесь только начатки ее, являемые верным христианам».

Или в другом месте автор восторженно говорит:

«О, какой дар неоцененный — молитва! Слава Тебе, Отче щедрот и Боже всякия

утехи! Слава Тебе, Сыне Божий, единокровный, исходатайствовый нам бесконечное прощение грехов наших! Слава Тебе, Душе Всесвятой, *ходатайствующий о нас воздыханиями неизглаголаннскими* (Рим. 8, 26), дающий пламенную с воздыханиями и слезами молитву, согревающий хладную душу, дающий умиление и скорбь о грехах, очищающий, освящающий, умиротворяющий, укрепляющий и обновляющий нас! Слава Тебе, Троице Святая, Безначальная, Живоначальная, вовеки благословляемая от всех созданий умных!»

Вообще мысль почтенного автора не один раз обращается на те сладость и блаженство, какие дает верующему истинная молитва.

«*Мне прилеплятися Богу благо есть*, — говорит Давид (Пс. 72, 28), испытавший сладость в молитве и хвалении Бога. То же подтверждают другие люди, а также и я грешный. Заметьте: еще здесь — на земле — прилепляться Богу благо, хорошо (когда мы в грешной плоти, у которой много своего приятного или неприятного). Как же благо будет соединяться с Богом там —

на небе! А блаженство прилепления Богу здесь, на земле, есть образец и залог блаженства прилепления Богу после смерти — в вечности. Видишь, как благ, милосерд, истинен Творец; чтобы уверить тебя в будущем блаженстве, происходящем от соединения с Ним, Он дает тебе испытывать начаток этого блаженства здесь — на земле, когда ты искренно приступаешь к Нему. Да, невидимая душа моя действительно еще здесь упокоивается в Невидимом Боге, значит, тем больше по отрешении от тела она упокоится в Нем».

Он сам, великий молитвенник нашего времени, свидетельствует о себе.

«Люблю я молиться в храме Божиим, особенно в святом алтаре, у престола или у жертвенника Божия, ибо чудно изменяюсь я во храме благодатию Божиею; в молитве покаяния и умиления спадают с души моей терния, узы страстей, и мне становится так легко; все обаяние, вся прелесть страстей исчезают, я как бы умираю для мира и мир для меня со всеми своими благами;

я оживаю в Боге и для Бога, для единого Бога, и весь Им проникаюсь и бываю един дух с Ним; я делаюсь как дитя, утешаемое на коленях матери; сердце мое тогда полно пренебесного, сладкого мира; душа просвещается светом небесным; все светло видишь, на все смотришь правильно, ко всем чувствуешь дружество и любовь к самим врагам и охотно их извиняешь и прощаешь. О, как блаженна душа с Богом! Церковь — истинно земной рай».

Пастырь-сердцеведец, наблюдавший за нравственную жизнь нашего общества, убежден, что причина неверия многих заключается именно в том, что потеряны дух молитвы, питающий веру, а затем иссякла и вера. «Люди впали в безверие оттого, что потеряли совершенно дух молитвы или во все не имели и не имеют его, короче — оттого, что не молятся. Князю века сего простор для действия в сердцах таких людей; он господин в них. Молитвою они не испрашивали и не испрашивают себе у Господа росы благодати Божией (а только просящим

и ищущим подаются дары Господни), и вот сердца, испорченные по природе, без живительной росы Духа Святого пересохли и от крайней сухоты наконец запылали адским пламенем неверия, а диавол знает только воспламеняет страсти, поддерживающие этот ужасный огонь, и торжествует при виде гибели несчастных душ, искупленных кровию Того, Кто поправил его державу».

ТРУДНОСТЬ МОЛИТВЫ

Борьба с искушениями во время молитвы

Молитва, будучи величайшим и важнейшим подвигом жизни, есть труднейший подвиг. Чтобы молитва была истинной и благоплодной, нужны многие условия, исполнить которые весьма трудно обремененному плотию и грехами человеку. В те минуты, когда становишься на молитву, вдруг начинают волноваться дурные движения сердца, и вот душа, уже по-видимому готовая к молитве, начинает рассеиваться, и желанный дух самособранности души исчезает. «Во время молитвы бывают иногда ми-

нуты убийственного мрака и стеснения сердечного, происходящих от неверия сердца. Лукавый старается рассыпать молитву как песчаную насыпь, слова хочет сделать как сухой песок, без связи, без влаги, т. е. без теплоты сердечной». Понятно, вследствие постоянных колебаний настроения молящегося «молитва бывает то храмина на песце, то храмина на камне» (см. Мф. 7, 24–26). Читатель сам засвидетельствует по своему личному опыту трудность истинной молитвы. То леность, то расслабление, то позывы плоти, то страсти духовные и т. п. — все ставит препятствия нашим молитвенным подвигам и часто с особенной силой поднимается именно тогда, когда мы хотим молиться. Понятно, что люди духовного опыта, святые отцы и подвижники, сами испытавшие борения плоти с духом во время молитвы, являются лучшими учителями и советниками нашими в вопросе о молитве. В дневнике отца Иоанна мы встречаем множество мыслей и советов, говорящих не о том только, как нужно молиться, но и о том, как нужно

избегать или бороться с теми препятствиями, внутренними и внешними, какие встречаются на пути молитвы.

Прежде всего весьма важно приготовление к молитве, созидание в себе такого настроения, которое могло бы противостоять внешним и внутренним искушениям во время самой молитвы.

«Если хочешь молитвою испросить себе какого-либо блага у Бога, то прежде молитвы приготовь себя к несомненной, крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия. Худо, если во время самой молитвы сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней: тогда и не думай, чтобы ты получил то, о чем просил Бога сомняся, потому что ты оскорбил Бога; а ругателю Бог не дает даров Своих! Вся, сказал Господь, *елика аще воспросите в молитве верующе, примете* (Мф. 21, 22), и, значит, если воспросите неверующе или с сомнением, не примете. *Аще имате веру, и не усумнитесь*, еще говорит Он, то и горы можете переставлять (Мф. 21, 21). Значит, если

усомнитесь и не поверите, то не сделаете этого. *Да просит же* (каждый человек) *верою, ничтоже сумняся*, говорит апостол Иаков... *да не мнит сумняйся, яко примет что от Бога.* — Муж двоедушен, неустроен во всех путех своих (Иак. 1, 6—8). Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение: оно болезненно томится и стесняется от сомнения. Не прогневай же Вседержавного Бога ни тению сомнения, особенно ты, испытавший на себе Божие всемогущество многое множество раз. Сомнение — хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа Истины. Бойся его, как ядовитой змеи; или нет, что я говорю, — пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прощения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: *веруешь ли, яко могу сие сотворити?* (Мф. 9, 28). Да, ты должен из глубины сердца ответить: «Верую, Господи!» И тогда будет по вере твоей. Твоему сомнению или

неверию да поможет следующее рассуждение: я прошу у Бога 1) существующего, а не воображаемого только, не мечтательного, не фантастического блага, а все существующее — от Бога получило бытие, потому что *без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Ин. 1, 3), и, значит, ничто и не бывает без Него, что бывает, а все или от Него получило бытие, или по Его воле или допущению бывает и делается при посредстве данных от Него тварям Его сил и способностей, — и во всем сущем и бывающем Господь полновластный Владыка. Кроме того, *Он нарицает и не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17); значит, если бы я просил и не сущего, Он мог бы мне дать, сотворив его. 2) Я прошу возможного, а для Бога и наше невозможное — возможно; значит, и с этой стороны нет препятствия, потому что Бог может сделать для меня даже то, что, по моим понятиям, невозможно. Та беда наша, что в веру нашу мешается близорукий рассудок, этот паук, ловящий истину сетками своих суждений, умозаключений, аналогий. Вера вдруг обнимает, видит, а рассу-

док окольными путями доходит до истины: вера — средство сообщения духа с духом, а рассудок — духовно-чувственного с духовно-чувственным и просто материальным; та дух, а этот — плоть».

Отсутствие надлежащего настроения для молитвы бывает причиной ее бесплодности для души.

«Иногда человек молится по-видимому, усердно но молитва его не приносит ему плодов покоя и радости сердца о Дусе Святе. Отчего? Оттого, что, молясь по готовым молитвам, он не каялся искренно в тех грехах, которые он учинил в тот день, которыми осквернил свое сердце, этот храм Христов, и коими прогневал Господа. Но вспомни он о них да раскайся, со всею искренностью осуди себя беспристрастно — и тотчас водворится в сердце *мир, превосходяй всякий ум* (Флп. 4, 7). В молитвах церковных есть перечисление грехов, но не всех, и часто о тех-то самых и не бывает упомянуто, коими мы связали себя; надо непременно самому перечислить их на молитве с ясным

сознанием их важности, с чувством смирения и с сердечным сокрушением. Оттого-то в молитвах вечерних и говорится при перечислении грехов: или то-то, или это сделал худого, т. е. предоставляется на нашу волю упоминать те или другие грехи».

Но иногда, по-видимому, при усердном приготовлении к молитве во время ее совершения вдруг наступает уныние, малодушие и рассеяние. «Когда мы молимся, то в мыслях странным образом вертятся самые святые, высокие предметы наравне с предметами земными, житейскими, ничтожными; например, и Бог, и какой-либо любимый предмет, например: деньги, какая-нибудь вещь, одежда, шляпа или внешнее отличие, орден и т. п». Как бороться с этим? Как отгонять эти ничтожные, но соблазнительные мечты? Как вообще бороться с набегаящими волнами противоположного молитве настроения?

«Когда во время молитвы овладеет твоим сердцем уныние и тоскливость, знай, что это происходит от диавола, всячески стара-

ющегося занять тебя в молитве. Крепись, мужайся и памятью о Боге прогоняй убийственные ощущения».

«Когда ты один молишься и унывает дух твой, и станет скучать и тяготиться одиночеством, помяни тогда, как и всегда, что на тебя светлейшими, паче солнца, очами взирает Триипостасный Бог, все святые Ангелы, Ангел твой Хранитель и святые Божии человеки. Истинно! Ибо все они едины в Боге, и где Бог, там и они. Куда солнце, туда и все лучи его обращены. Разумей, что говорится. Молись всегда горящим сердцем, а для этого никогда не объедайся и не упивайся. Помни, с Кем беседуешь. Люди забывают пречасто, с Кем они беседуют на молитве, кто свидетели их молитвы. Они забывают, что беседуют с Бодрым и Всевидящим, что беседе их с Богом внимают все Силы Небесные и святые Божии человеки».

А вот и еще средство, прогоняющее расслабленность духа и тела во время молитвы.

«Некто во время молитвы, когда он делался вял, расслаблен духом и телом и ему

хотелось дремать, возбуждал себя следующим внутренним вопросом: с кем ты беседуешь, душа моя? И, живо представляя после этого пред собою Господа, начинал молиться с великим умилением и со слезами; притупленное внимание его изощрялось, ум и сердце просветлялись, и он весь оживотворялся. Вот что значит живо представлять пред собою Господа Бога и ходить в присутствии Его! Если, говорил он дальше, душа моя, ты не смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с людьми, высшими тебя, чтобы не оскорбить их, то как ты смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с Господом!»

Вообще сделать усилие воли и с напряжением обратить свой взор к Богу — самое благоплодное средство, сразу поднимающее человека над рассеянностью и обращающее его к сосредоточенной молитве.

«Иногда мы стоим в церкви или дома на молитве в расслаблении духа и тела: и бессильна, хладна, бесплодна бывает душа наша, как она языческая неплодящая церковь; но лишь напряжем сердце свое к ис-

кренней молитве к Богу, обратим мысли и сердце свое к Нему с верою живою, тотчас оживет, согреется и оплодотворится душа наша; какое вдруг спокойствие, какая легкость, какое умиление, какой внутренний святой огонь, какие теплые слезы о грехах, какое искреннее чувство сожаления о том, что прогневали ими Владыку Преплагаго, какой свет в сердце и в уме, какой обильный поток живой воды заструится в сердце, льющийся свободно с языка или с пера и карандаша на бумагу; пустыня душевная процветает яко крин пришествием Господа в сердце. Ах, зачем мы чаще не обращаем сердца своих ко Господу! Сколько у Него всегда сокрыто для нас покоя, утешения! *Коль многое множество благости Твоя, Господи, юже скрыл еси болящимся Тебе, Господи!* (Пс. 30, 20)».

Искушения среди молитвы бывают даже тогда, когда уже сердце испытало духовные плоды молитвы, когда оно по-видимому, хотя бы на этот раз, уже достаточно глубоко сосредоточилось в себе, чтоб еще поддаваться рассеянию.

«Вот ты молишься, молитва твоя совершается успешно, ты имеешь внутреннее свидетельство, что Господь и слышит ее, и благоволит к ней; у тебя мир помыслов, легко и сладостно на сердце; но вот под конец твоей молитвы, из-за самого малого расслабления твоего сердца и помышлений, в твое сердце ввергается какое-то тяжелое бремя, расслабляющий сердце огонь, и ты чувствуешь и крайнюю тяжесть молитвы, и отращение от нее вместо прежней легкости и расположения к ней. Не отчаивайся, друг, это козни врага, который любит посмеяться над нами, особенно в конце наших благочестивых занятий, чтобы мы впали в уныние и сочли потерянными все предыдущие труды свои в святом деле. Научись из этого вперед не угашать духа своего ни на минуту в продолжение молитвы, — молиться духом и истиною, неослабно и не льстить Господу на молитве ни одним словом, т. е. ни одного слова не произносить притворно, лицемерно, пусть вся молитва твоя будет одним выражением истины, трубою Святого Духа,

и ни одним словом не служить лжи вражией, не будет органом дьявола. А о снятии бремени вражия с души твоей и о погашении огня его помолись сердечно ко Господу, признав пред Ним от сердца вину свою — лицемерие во время произношения молитвы, — и получишь облегчение и мир. Не торопись, мирно все говори и делай. Успеешь. Враг торопит и смущает, ибо в смутной торопливости нет толку».

Вообще, «когда молишься, говори в сердце своем против разных вражиих помыслов и разжений: “Господь — все для меня. Так и во всей жизни припадении страстей и при всяких налогах вражиих, в болезнях; в скорбях, в бедах и напастях, говори: все для меня Господь; я сам не могу ничего сделать, ничего стерпеть, превозмочь, победить, — Он сила моя”».

Ложная молитва

Условия истинной молитвы

Но если существуют люди, которые глубоко страдают от различных искушений

в молитве, и именно оттого, что ищут молитвы истинной, то много и гораздо больше таких, которые, молясь недостойно, думают, что вполне достаточно такой ложной молитвы.

«Многие люди молятся лицемерно, и их лицемерная молитва вошла у них в привычку; они сами даже не замечают и не хотят заметить, что молятся лицемерно, а не в духе и истине, так что если бы кто сказал им в обличение, что они молятся лицемерно, они прогневались бы на дерзнувшего сказать такую, по их мнению, несообразность. До лицемерия человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к которому надо всегда принуждать себя, ибо *Царствие Небесное* (сказано) *нудится* (Мф. 11, 12), он начинает молиться больше устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче; и, наконец, при усиленной борьбе плоти и дьявола, молится устами, не доводя до сердца

силы слов молитвенных. Таких людей очень много. Господь говорит о них: *Приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Меня, сердце же их далече отстоит от Мене* (Мф. 15, 8)».

Иные слишком мало уделяют времени молитве, успокаивая себя тем, что во «многоглаголании» нет спасения.

«Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве? Можно тем, которые научились внутренней молитве чистым сердцем. В молитве надобно, чтобы сердце искренно желало того, чего просит; чувствовало истину того, о чем говорит; а чистое сердце имеет это как бы в природе своей. Потому оно может молиться и с поспешностью, и в то же время богоугодно, так как поспешность не вредит истине (искренности) молитвы. Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы. А это не всегда скоро дается человеку, не привыкшему к молитвенному созерцанию. Поэтому редкое про-

изношение слов молитвы для таких людей должно быть положено за непремненное правило. Ожидай, пока каждое слово отдастся в сердце свойственным ему отголоском».

Каких же условий требует со стороны молящегося истинная молитва, и какие правила может предписать духовный опыт людей, опытных в подвигах молитвы?

«В молитве главное, о чем нужно прежде всего позаботиться, — это живая, ясновидящая вера в Господа. Представь Его живо пред собою и в себе самом — и тогда, еже хочещи, проси о Христе Иисусе в Духе Святом, и будет тебе. Проси просто, ничтоже сумняся, — и тогда Бог твой будет все для тебя, во мгновение совершающий великие и чудные дела, подобно тому как крестное знамение совершает великие силы. Проси не для себя одного, но и для всех верных, для всего тела Церкви благ духовных и вещественных, не отделяя себя от прочих верующих, но находясь в духовном единении с ними, как член единого великого тела Церкви Христовой, — и любящий всех, как чад Своих во Христе,

Отец Небесный исполнит тебя великим миром и дерзновением».

Далее необходимо крепкое упование на помощь Божию.

«Наша надежда на получение просимого во время молитвы основывается на вере в благость и щедроты Божии, яко Бог милости и щедрот и Человеколюбец есть, и при этом мы вспоминаем о прежних бесчисленных опытах благости и милости как на других людях (в Священном Писании и в житиях святых), так и в нас. Потому для успеха молитвы надобно также, чтобы молящийся уже получал прежде просимое и твердо веровал в это сердцем. Часто мы получаем по молитве своей просимое, особенно же ко спасению душ наших прошения; надо восписывать это прямо Господу, Его благодати, а не случаю какому-либо. Где можно дать место случаю в Царстве Вседержавного Бога? Без Него ничто по истине не бывает, как *без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Ин. 1, 3). Многие не молятся потому, что им кажется, будто они не

получили от Бога молитвою никаких даров, или считают молитву ненужным делом; Бог, говорят, все знает прежде нашего прошения, и забывают, что сказано: *просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толщьте, и отвержется вам* (Мф. 7, 7). Наши прошения (молитвы) нужны именно для усиления нашей веры, которою одною мы и спасаемся: *благодатию есте спасени чрез веру* (Еф. 2, 8); *о жено, велия вера твоя* (Мф. 15, 28). Спаситель для того и заставил женщину усиленно просить, чтобы возбудить ее веру, усилить ее. Такие люди не видят того, что они не имеют веры — самого драгоценного достояния христианина, которое необходимо как жизнь; что они лжа творят Бога неверием и суть чада дьявола, недостойные никаких милостей Божиих; что они — погибающие. Нужно также, чтобы сердце горело во время молитвы желанием благ духовных, любовью к Богу, ясно созерцаемому сердцем в Его крайней благодати к человеческому роду и готовому слушать с отеческой любовью все его

молитвы. *Аще убо вы лукави суще; умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него (Мф. 7, 11)*».

«Чтобы иметь тебе непоколебимую уверенность во время молитвы получать от Господа всякое духовное благо, веруй, что ты, соединяясь на молитве с Господом, становишься *один дух с Ним* (1 Кор. 6, 17), а Бог всеблаг, всемогущ, премудр; Он всесовершенное совершенство; значит, и ты по мере своей приемлемости, по мере веры и любви сделаешься участником Его Божественных совершенств. В соединении души твоей с Богом не считай ничего неудобоисполнимым, невозможным, *вся бо возможна суть у Бога* (Мк. 10, 27): не только то, о чем ты можешь помыслить или мыслишь, но о чем и помыслить не можешь или о чем ты мыслишь как о невозможном. Ибо Бог — Существо бесконечное, и все совершенства Его — бесконечны».

«В частности, приступая молиться Царице Богородице, прежде молитвы будь твер-

до уверен, что ты не уйдешь от Нее, не получивши милости. Так мыслить и так быть уверенным относительно Ее — достойно и праведно. Она — Всемиловитая Матерь Всемиловитого Бога-Слова, и о Ее милостях, неисчетно великих и бесчисленных, возглашают все века и все Церкви христианские; Она точно есть бездна благодости и щедрот, как говорится о Ней в каноне Одигитрии (канон ко Пресвятой Богородице, Одигитрии, песнь 5, ст. 1). Потому приступать к Ней в молитве без такой уверенности было бы неразумно и дерзко, а сомнением оскорблялась бы благодость Ее, как оскорбляется благодость Божия, когда приступают в молитве к Богу и не надеются получить от Него просимого. Как спешат за милостию к какому-либо высокому и богатому человеку, милости коего все знают, который милость свою доказал многочисленными опытами? Обыкновенно с самою покойною уверенностию и надеждою получить от него, чего желают. Так надо и в молитве не сомневаться, не малодушествовать».

Вообще же, вот условия истинной благо-
плодной молитвы.

«Молясь Господу, Божией Матери или святым, всегда помни, что Господь дает по сердцу (*даст ти Господь по сердцу твоему* (Пс. 19, 5)) каково сердце, таков и дар; если молишься с верою, искренно, всем сердцем, нелицемерно, то сообразно вере твоей, степени горячности твоего сердца подастся тебе дар от Господа. И наоборот, чем хладнее твое сердце, чем оно маловернее, лицемернее, тем бесполезнее твоя молитва, мало того, тем более она прогневляет Господа, Который есть Дух и ищет Себе поклоняющихся духом и истиною (см. Ин. 4, 23, 24). Поэтому призываешь ли Господа, Божию Матерь, Ангелов или святых — призывай всем сердцем; молишься ли о ком из живых или умерших — молись о них всем сердцем, выговаривая имена их с теплотою сердечною; молишься ли о даровании себе или другому какого-либо блага духовного или об избавлении себя или ближнего от какого-либо бедствия или от грехов и страстей,

худых привычек — молись об этом от всего сердца, желая всем сердцем себе или другому просимого блага, имея твердое намерение отстать или желая другим освободиться от грехов, страстей и греховных привычек, и дастся тебе от Господа дар по сердцу твоему. *Его же аще хотите, просите: и будет вам* (Ин. 15, 7). Видишь — надо непременно хотеть того, чего просишь, тогда только и получишь. *Молитесь друг за друга, яко да исцелете* (Иак. 5, 16)».

«Молясь Богу, беседуешь с Ним лицом к лицу; беседуй же с Ним как с царем — глаз на глаз; с Материю Царицею Небесной беседуй как с живою; с Ангелами и святыми так же, как глаз на глаз, и отнюдь ничем посторонним сердце да не занимается в это время и ни к чему не прилепляется, ибо скажи: станешь ли ты, разговаривая с царем или с царицею, заниматься в это время чем-либо сторонним или маловажным — например, смотреть в окно на проезжающих или рассматривать вещи, находящиеся в покоях, и пр.? И не было ли бы это крайней обидой для царского

величия? Как же мы при беседе с Господом делаем подобное и гораздо хуже этого?»

Во время молитвы необходимо глубокое внимание к словам произносимых молитв. Многие, молясь, совсем не следят сердцем за молитвенными словами; поспешно повторяя слова знакомой молитвы, они не дают себе труда слить свое существо с благодатными звуками.

«Во время молитвы каждое слово нужно произносить сердцем с тою силою, какая содержится в каждом из них, как и лекарства принимаются обыкновенно с соответствующею каждому из них лекарственною, данною им от Творца, силою. Если выпустим силу или эссенцию лекарства, тогда оно не будет действенно и набьет только оскомину; так точно, если на молитве будем произносить слова без силы их, не чувствуя их истины сердцем, мы не получим пользы от молитвы, потому что истинная, плодотворная молитва должна быть духом и истиною. Слова молитвы соответствуют лекарственным составам или специям, имеющим каждая свою силу

и вместе составляющим целебный для тела прием. Как аптекари берегут силу ароматич-ных составов лекарственных, держа их крепко закупоренными в скляницах или в дру-гом каком сосуде, так и мы должны хранить крепко силу каждого слова в своем сердце, как в сосуде, и не иначе произносить его, как с соответственной ему силою».

Сливать свое религиозное чувство со сло-вами молитвы — это условие должно осо-бенно помнить христианину.

«Помни, что если ты во время молитвы не празднословишь, а с чувством говоришь слова молитвы, то слова твои не возвратят-ся к тебе тощи, без силы (как шелуха без зерна), но непременно принесут тебе те са-мые плоды, которые заключаются в слове, как плод в оболочке. Это дело самое естес-твенное, как естественны и обыкновенны в природе плод и оболочка его. Но если ты слова бросаешь попусту, без веры, не чув-ствуя силы их, как шелуху без ядра, то пус-тыми они к тебе и воротятся: шелуху бро-саешь, шелуха к тебе и воротится; семя

бросаешь, колос целый тебе принесет, и чем лучше, тучнее семя, тем обильнее колос. Так и с нашими молитвами: чем искреннее, сердечнее будешь произносить каждое слово, тем больше плода от молитвы: каждое слово, как зернышко, принесет тебе плод духовный, как зрелый колос. Кто из молящихся не испытал этого? Не напрасно Спаситель сравнивал семя со словом, а сердце человеческое — с землею (см. Мф. 13, 4—8). Это же надо сказать и о словах молитвы. Еще: кто не знает, что дождь орошает землю, растения и напоет их? Так слово Божие, да и наше слово, сказанное с верою, не возвратится к нам без того, чтобы не напоить нашей души или души благопослушные и верующие. Это точно так же естественно, как естественно дождю поить и питать землю и растения и способствовать их произращению».

Почтенный пастырь с особенной силой и многократно настаивает на необходимости с живым вниманием сердца следить за словами молитвы.

«При молитве держись того правила, что лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком. Когда замечаешь, что сердце твое хладно и молится неохотно, — остановись, согрей свое сердце каким-нибудь живым представлением — например, своего окаянства, своей духовной бедности, нищеты и слепоты или представлением великих, ежеминутных благодеяний Божиих к тебе и к роду человеческому, особенно же к христианам, и потом молись не торопясь, с теплым чувством; если и не успеешь прочитать всех молитв ко времени — беды нет, а пользы от теплой и неспешной молитвы получишь несравненно больше, чем если бы ты прочитал все молитвы, но спешно, без сочувствия. *Хощу пять слов умом моим глаголати, нежели тьмы слов языком* (1 Кор. 14, 19). Но очень хорошо, разумеется, было бы, если бы мы могли с должным сочувствием сказать на молитве и тьмы словес. Господь не оставляет трудящихся для Него и долго предстоящих Ему; в нюже меру они меряют, возмеривает и Он (см. Мф. 7, 2), и соответственно обилию истинных

слов их молитвы посылает в душу их обилие духовного света, теплоты духовной, мира и радости. Хорошо продолжительно и непрестанно молиться, но *не все вмещают словесе сего, а имже дано есть... могий вместити да вместит* (Мф. 19, 11–12). Не могущим вмещать продолжительной молитвы лучше творить молитвы краткие, но с горячею душою».

Необходимо помнить, что «как бросаемые вверх камни или куски дерева или другое что упадают непременно на землю или в воду, смотря по тому, где их бросают, — так слова молитвы непременно доходят до Бога, если от сердца они произносятся, а если не от сердца, ложно, то упадают в змия бездны, в океан лжи — диавола, который есть существо лжи».

«Хорошо иногда на молитве сказать несколько своих слов, дышащих горячею верою и любовью ко Господу. Да, не все чужими словами беседовать с Богом, не все быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум, отрыгнуть от сердца и свое слово благо, притом же к чужим словам как-то привыка-

ем и хладеем. И как приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодарного сердца, — пересказать нельзя; надобно только сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостью, вся разгорячается, оживляется, блаженствует. Несколько слов скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получишь его в такой мере от самых длинных и трогательных чужих молитв, по привычке и неискренно произносимых».

«Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лукаво, неверно, двоедушно. Иначе что пользы от нашей молитвы, от нашего говенья? Хорошо ли слышать от Господа гневный глас: *Приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя; сердце же их далече отстоит от Мене* (Мф. 15, 8). Итак, не будем стоять в церкви с душевным расслаблением, но да горит каждый духом своим, работая Господу. И люди немного ценят те услуги, которые мы делаем с холодностию, по при-

вычке. А Бог хочет именно нашего сердца. *Дажь ми, сыне, твое сердце* (Притч. 23, 26); потому что сердце — главное в человеке, жизнь его, больше — сердце наше есть самый человек. Потому кто не молится или не служит Богу сердцем — тот все равно что во все не молится, потому что тогда молится тело его, которое само по себе, без души, — то же, что земля. Помните, что, предстоя на молитве, вы предстояте Богу, имеющему разум всех. Потому молитва ваша должна быть, так сказать, *вся дух, вся разум*».

Почтенный пастырь убеждает не пропускать случаев молиться. Многие скоро устают молиться, потому что не привыкли. В молитве, как и во всяком деле, необходимо упражнение, иначе сердце иссохнет для молитвы, и постепенно теряемый дух молитвы совсем покинет душу.

Необходимость молитвы за ближних

Отец Иоанн не забывает дать наставлений и по вопросу, о *чем* молиться необходимо всякому христианину.

«Не пропускай случаев молиться за какого-либо человека по его прошению или по прошению об нем его родственников, друзей, почитателей или знакомых. Господь с благоволением призывает на молитву любви нашей и на дерзновение наше перед Ним. Кроме того, молитва за других весьма полезна и самому молящемуся за других: она очищает сердце, утверждает веру и надежду на Бога и возгревает любовь к Богу и ближнему. Молясь, говори: “Господи! Возможно Тебе сделать то и то рабу Твоему сему; сотвори ему это, ибо имя Тебе — благий Человеколюбец и Всемогуший. *Аще мы, лукави суще, умеем даяти даяния блага не токмо чадам, но и чужим, кольми паче Ты даси всевозможные блага просящим у Тебе (Мф. 7, 11)”*».

Вообще необходимость молитвы за ближних обуславливается не только заповедью о любви, но и пользою для души самого молящегося и для нравственного исправления тех, о ком молятся.

«Когда видишь в ближнем недостатки и страсти, молись о нем; молись о каждом, даже о враге своем. Если видишь брата гордого и строптивого, горделиво с тобою или с другими обращающегося, молись о нем, чтобы Бог просветил его ум и согрел его сердце огнем благодати Своей, говори: «Господи, научи раба Твоего, в диавольскую гордость впадшего, кротости и смирению и отжени от сердца его мрак и бремя сатанинской гордыни!» Если видишь злобного, молись: «Господи, блага сотвори раба Твоего сего благодатию Твоею!» Если сребролюбивого и жадного — говори: «Сокровище наше нетленное и богатство неистощимое! Даруй рабу Твоему сему, сотворенному по образу и подобию Твоему, познать лесь богатства, и яко вся земная суета, сень и соние. Яко трава дни всякого человека (см. Пс. 102, 15), или яко пучина, и яко Ты един богатство, покой и радость наша!» Когда видишь завистливого, молись: «Господи, просвети ум и сердце раба Твоего сего к познанию великих, бесчисленных и неис-

следимых даров Твоих, ихже прият от не-
исчетных щедрот Твоих, во ослеплении бо
страсти своея забы Тебе и дары Твои бо-
гатые, и нища себя быти вмени, богат сый
благами Твоими, и сего ради зрит прелестне
не благая рабов Твоих, имиже, о пренеиз-
глаголанная Благостыня, ущедряеши всех,
коегождо противу силы его и по намере-
нию воли Твоея. Отыми, Всеблагий Влады-
ко, покрывало диавола от очию сердца раба
Твоего и даруй ему сердечное сокрушение
и слезы покаяния и благодарения, да не воз-
радуется враг о нем, заживо уловленном от
него в свою его волю, и да не отторгнет его
от руки Твоея. Когда видишь пьяного, го-
вори сердцем: «Господи, призри милостиво
на раба Твоего, прельщенного лестию чре-
ва и плотского веселия, даруй ему познати
сладость воздержания и поста и проистека-
ющих от него плодов духа». Когда видишь
страстного к брашням и блаженство свое
в них полагающего, говори: «Господи, Слад-
чайшее Брашно наше, никогда же гиблющее,
но пребывающее в живот вечный! Очисти

раба Твоего сего от скверны чревообъядения, всего плоть сотворившегося и чуждого Духа Твоего, и даруй ему познати сладость Твоего Животворящего духовного брашна, еже есть Плоть и Кровь Твоя и святое, живое и действенное слово Твое». — Так или подобным образом молись о всех согрешающих и не дерзай никого презирать за грех его или мстить ему, ибо этим увеличились бы только язвы согрешающих, — исправляй советами, угрозами и наказаниями, которые служили бы средством к прекращению или удержанию в границах умеренности».

Молятся ли о нас святые?

Между прочим, в своих размышлениях о молитве автор касается сомнений, высказываемых людьми относительно того, молятся ли о нас святые. «Молятся ли о нас святые? — спрашивает он и отвечает: — Молятся. Если я, грешный человек, холодный человек, иногда злой и недоброжелательный человек, молюсь за других, заповедавших и не заповедавших мне молиться, и не со-

мневаюсь, не скучаю терпеливо перебирать их имена на молитве, хотя иногда и не сердечно, то святые ли Божии человеки — эти светильники и пламенники, горящие в Боге и пред Богом, полные любви к собратиям своим земным, не молятся за меня и за нас, когда мы с посильною верою, упованием и любовью призываем их? Молятся и они, скорые помощники и молитвенники о душах наших, как уверяет нас богопросвещенная Мать наша Святая Церковь. Итак, молись несомненно святым Божиим человекам, прося их ходатайства за себя пред Богом. В Духе Святом они слышат тебя, только ты молись Духом Святым и от души, ибо когда ты молишься искренно, тогда дышит в тебе Дух Святой, Который есть Дух истины и искренности, есть наша Истина и Искренность. Дух Святой в нас и в святых людях один и тот же. Святые святы от Духа Святаго, их освятившего и в них вечно живущего».

Кто недоумевает, каким образом возможно, что святые молятся за нас и внимают

нашим молитвам, тому почтенный пастырь с воодушевлением говорит:

«Ты недоумеваешь, как внимают нам с Небес святые, когда мы молимся им. А как лучи солнечные с небес преклоняются к нам и всюду — по всей земле — светят? Святые — то же в духовном мире, что лучи солнечные в мире вещественном. Бог — вечное, животворящее Солнце, а святые — лучи умного Солнца. Как очи Господни постоянно призирают на землю и на земнородных, так и очи святых не могут не обращаться туда, куда обращен промыслительный взор Господа твари и где их сокровище (тела их, дела их, места священные, лица, им преданные). *Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21).

Ты знаешь, как сердце видит быстро, далеко и ясно (особенно предметы мира духовного); заметь это во всех познаниях, особенно в духовных, где весьма многое усваивается только верою (видением сердца). Сердце — око существа человеческого; чем

оно чище, тем быстрее, дальше и яснее видит. Но у святых Божиих это око душевное еще при жизни доведено до возможной для человека чистоты, а по смерти их, когда они соединились с Богом, оно благодатию Бога стало еще светлее и обширнее в пределах своего зрения. Потому-то святые видят весьма ясно, широко и далеко; видят наши духовные нужды; видят и слышат всех, призывающих их от всего сердца, т. е. тех, которых умные очи прямо устремлены к ним и не омрачаются, не затмеваются во время устремления сомнением и маловерием, когда очи сердца молящихся совпадают, так сказать, с очами призываемых. Здесь таинственное зрение! Опытный понимает, что говорится. Поэтому как легко иметь сообщение со святыми! Надобно только очистить зрение сердца, устремить его твердо к известному святому, просить о нужном — и будет. А что Господь в отношении зрения? Он — весь зрение, весь — свет, весь — знание. Он наполняет всегда небо и землю и на всяком месте все зрит.

На всяком месте очи Господни смотряют злыя же и благия (Притч. 15, 3)».

В заключение от лица почтенного пастыря обращаемся ко всякому читателю. Знайте, что «слова молитвы подобны дождю или снегу, если выговариваются с верою и сочувствием: в каждом из них заключается своя сила и плод. Дождевые капли или снежинки, падающие непрерывною нитью или хлопьями, поят землю, и она прозябает и приносит плод; так слова молитвы — этот дождь душевный — каждое в отдельности — напояют душу, а она прозябает плоды добродетелей, содействуя Святому Духу, особенно если еще есть слезный дождь». Поэтому «не жалея себя для сердечной молитвы, даже тогда, когда ты весь день провел в трудах, в совершении треб. Не вознеради ни мало на святой молитве, всю скажи Господу от сердца, виждь, она — дело Божие. Взятся за гуж, не говори, что не дюж; возложив руку на рало, не зри вспять (см. Лк. 9, 62). Допустивши молитву нерадивую, не от всего сердца, не заснешь (если на ночь молитвы),

пока не выплачешь своего греха пред Богом. Не со всеми это бывает, а с усовершившимися. Смотри же, выше Бога плоти своей не ставь, а пренебреги для Него и покоем телесным. Какое молитвенное правило взялся исполнить (если длинное молитвенное правило, то исполняй хорошо все правило; если короткое — тоже), исполни его со всею добросовестностью и не исполняй дела Божия сердцем раздвоенным так, чтобы одна половина принадлежала Богу, а другая — плоти своей. Ревность Господа Бога не потерпит твоего лукавства, твоего самосожаления. Предаст Он тебя диаволу, и диавол не даст покоя сердцу твоему за пренебрежение к Тому, Кто есть истинный покой твоего сердца и Кто будет всегда делать это для твоей же пользы, для того чтобы удержать твое сердце в близости к Богу, потому что каждая неискренняя молитва удаляет сердце от Бога и вооружает его на самого человека, и, напротив, каждая искренняя молитва приближает сердце человеческое к Богу и делает его присным Богу. Итак, верь слову:

поторопишься на молитве для покоя телесного, чтобы отдохнуть скорее, а потеряешь и телесный покой, и душевный. Ах, какими трудами, потом и слезами достигается приближение сердца нашего к Богу; и неужели мы опять будем самую молитву свою (небрежную) делать средством удаления от Бога, и Бог ли не возревнует об этом? Ведь Ему жаль и нас, и наших трудов прежних; и вот Он хочет заставить нас непременно обратиться к Нему опять от всего сердца. Он хочет, чтобы мы всегда принадлежали Ему».

«Отдайте же, молеельщики, Богу ваше сердце, то любящее, искреннее сердце, которым вы любите своих детей, родителей, благодетелей, друзей, в котором вы ощущаете радость непритворной, чистой любви». И Бог мира и любви наполнит миром и любовью сердца ваши.

ЗНАЧЕНИЕ МОЛИТВЫ В ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

По учению святого отца Иоанна Кронштадтского

Незаметно канул в вечность год* с того дня, когда Господу угодно было отозвать к Себе верного раба и служителя Своего, великого молитвенника земли Русской, стяжавшего себе всесветную славу и известность своим полувековым служением Церкви Христовой. Кажется, так еще недавно, год тому назад, не Кронштадт только, а вся православная и верующая Россия, весь христианский мир с чувством глубокой скорби прислушивались к тревожным известиям о состоянии здоровья своего любимого пастыря, и смерть его поразила всех верных сынов Православной Церкви как тяжелая невознаградимая утрата. Теперь, когда первые минуты невыразимой скорби по причине этой утраты уже пережиты нами, горечь ее для всех почитателей отца Иоанна смягчается твердою верою, что для отца Иоанна отшествие его в иной мир было

* Повествование автора относится к 1909 г. — *Ред.*

началом лицезрения неизреченной доброты лица Божия, которого он пламенно желал, особенно в последние годы своего служения, началом прославления в царстве духов праведников совершенных, *идеже празднующих глас непрестанный* (Молитвы утренние; молитва 5-я, святителя Василия Великого. — *Ред.*), и вместе — началом служения его родной ему по духу и вере России в новых условиях, при которых молитвенное предстательство его за всех ищущих его помощи и заступления пред Богом может быть еще более плодотворным и многообъемлющим, а врачевание им душевных и телесных недугов и его широкая благотворительная деятельность, которою он прославился не только в пределах России, но и во всем мире, еще — более чудодейственными, превышающими естественные силы человека и возможными лишь для тех, которые вместе с Ангелами выну видят лице Отца своего Небесного.

Чем же почтим мы память дорогого для всех нас почившего пастыря в день первой

годовщины его блаженного отшествия ко Господу? О чем будем беседовать в настоящем торжественном собрании людей*, пришедших сюда, без сомнения, для того, чтобы оживить в своей памяти светлый образ доброго пастыря, полагавшего душу свою за овец своего стада? Будем ли говорить о его жизни, — но эта жизнь, столь богатая ценным и великим духовным содержанием, не богата внешними переменами и, рассматриваемая с этой стороны, не представляет ничего такого, что резко отличало бы течение его жизни от обычного течения жизни пастырей последнего времени. Двадцать пять лет обычного для всех пастырей нашего времени приготовления к служению церкви Христовой, сначала в убогой обстановке бедной, но благочестивой семьи сельского причетника в отдаленной северной окраине нашего отечества в селе Суре Пинежского уезда Архангельской губернии, затем в Архангельском Духовном училище и Архан-

* Публичное чтение в зале Казанской Городской Думы в день годовщины преставления святого отца Иоанна 20 декабря 1909 года.

гельской Духовной семинарии и, наконец, в Санкт-Петербургской Духовной академии, и потом 53 года пастырского служения, сначала в должности священника, а потом в сане протоиерея и настоятеля Андреевского Кронштадтского собора вместе с законоучительством в учебных заведениях, вот те данные, которыми исчерпывается жизнь великого пастыря, если рассматривать ее с обычной, так сказать, официальной, точки зрения. Правда, в этих довольно обычных рамках мы видим совершенно необычную, исключительную картину жизни всецело посвященной Богу и ближнему, совершенно бескорыстной, поразительной по своим результатам пастырской деятельности, стяжавшей отцу Иоанну не только всероссийскую, но и всесветную известность; но ведь и эта деятельность отца Иоанна протекала на глазах всего христианского мира, ведь отец Иоанн был градом, стоящим вверху горы, и светильником, поставленным на свещнике, да светить всем, иже в храме суть (см. Мф. 5, 14–15). Кому неизвест-

но, как протекали дни и годы подвижнической пастырской деятельности отца Иоанна, кто не знает, что отец Иоанн трудился с глубокого раннего утра до поздней ночи, едва оставляя себе 3—4 часа для кратковременного отдыха и посвящая на служение Богу и ближним более 20 часов в сутки неустанной одушевленной работы, приводившей в изумление всех, кто имел счастье провести хотя бы один день около отца Иоанна? Кому неизвестно также, что обычные летние путешествия отца Иоанна на родину и по разным городам нашего отечества не были и не могли быть для него теми летними поездками, которые мы предпринимаем для отдыха и восстановления психических сил, а представляли все тот же непрерывный упорный труд пастырского делания, труд, стяжавший ему вполне заслуженное имя всероссийского пастыря и молитвенника. Кому неизвестна, наконец, та широкая, также выходившая за пределы России, благотворительная деятельность Кронштадтского пастыря, памятниками которой являются получившие

всероссийскую известность и созданные его пожертвованиями благотворительные учреждения, детские приюты, школы, богадельни, существовавшие и существующие главным образом благодаря щедрой поддержке отца Иоанна. Кто не знает, что отец Иоанн, жертвовавший на дела христианского благотворения все свои личные средства, был, по его собственным словам, казначеем всей благочестивой верующей России, в изобилии вручавшей ему на его распоряжение денежные средства, в твердой уверенности, что при его посредничестве эти средства найдут наилучшее употребление? Кто, наконец, не читал и не слышал о тех многочисленных, поистине чудесных, исцелениях душевных и телесных недугов, которыми Господу угодно было прославить верного раба своего еще при жизни, как бы в подтверждение неложности обетования Своего, данного им в прощальной беседе со своими учениками, которым Он сказал: *Аминь, аминь глаголю вам, веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и болюша сих со-*

творит (Ин. 14, 12)? Кому, наконец, неизвестно и то, что в последние годы Господь сподобил верного раба Своего перенести за Имя Его тяжкие насмешки, издевательства и глумления всякого рода, дабы украсить его и мученическим венцом прежде отшествия его в обители Отца Небесного?

Едва ли поэтому мы могли бы своим слабым словом прибавить что-либо новое к славе и известности отца Иоанна, если бы избрали предметом настоящей беседы изображение жизни и пастырской деятельности почившего великого молитвенника земли Русской или хотя бы описание одного дня из жизни отца Иоанна Кронштадтского, на месте ли его постоянного служения, или на его родине в селе Суре, или, наконец, в каком-либо из множества городов и весей нашего обширного отечества, которые имели счастье видеть отца Иоанна в своих пределах, молиться вместе с ним, присутствовать при совершаемом им богослужении, слышать его мудрое и мощное пастырское слово, принять его благословение.

Но, может быть, не всем в такой же мере известно, что после отца Иоанна осталось богатое духовное наследство, неисчерпаемая духовная сокровищница, из которой каждый православный христианин всегда может почерпнуть для себя духовное утешение, вразумление, назидание и руководство в духовной жизни. Разумею оставшиеся после него творения — его беседы, слова и поучения, составляющие несколько обширных томов, и в особенности его дневник, известный под заглавием «Моя жизнь во Христе». Все, содержащееся в этом дневнике, по словам самого отца Иоанна, «есть не иное что, как благодатное озарение души его от всепросвещающего Духа Божия в минуты глубокого внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы». (Моя жизнь во Христе. В 2 т. Т. I. Спб., 1905. С. 3; здесь и далее ссылки на это издание. — *Ред.*) Благодатные мысли и чувства, пережитые отцом Иоанном в минуты этого духовного озарения, касаются самых разнообразных предметов христианской веры и жизни, и внима-

тельный читатель легко мог бы найти в них ответы на весьма многие вопросы и недоумения, разрешение сомнений, успокоение и утешение в тяжкие минуты, врачевство для своих душевных и телесных недугов. Каждое слово этого дневника — настоящий перл духовной мудрости и духовного красноречия, драгоценный бисер, из которого легко можно составить цепь, связующую истины христианского учения в стройное мировоззрение, — целительный бальзам, способный утешать мятущуюся и страдающую душу верующего христианина. И мы от души желали бы, чтобы этот дневник сделался настольною книгою всякого православного христианина, чтобы те благодатные мысли и чувства, которые переживал автор этих вдохновенных страниц, сделались достоянием каждого и чтобы таким образом богатое духовное наследство, оставленное отцом Иоанном христианскому миру, было принято им и сделалось его действительным достоянием.

Но в настоящий день этот дневник отца Иоанна останавливает на себе наше вни-

мание особенно потому, что он более, чем другие творения отца Иоанна, более, чем бесчисленные газетные сообщения о его жизни и пастырской деятельности, даже более, чем оставшиеся после него слова, беседы и речи, раскрывают пред нами тайну его великой внутренней мощи и духовной силы, тайну его изумительной энергии, тайну его постоянного пребывания в сфере самых высоких христианских идей и чувствований, отчасти даже тайну тех чудесных исцелений душевных и телесных недугов, которые распространили славу отца Иоанна по всему миру. Из этого дневника мы узнаем, что тайна эта заключалась в постоянном непрерывном общении великого пастыря с Богом, средством которого была столь же постоянная и непрерывная домашняя и церковная молитва великого молитвенника (по заповеди апостола: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17)). Самый дневник отца Иоанна был, как мы уже заметили, результатом благодатного озарения души великого пастыря во время молитвы. Потому-то молитва и явля-

ется как бы центральным пунктом, около которого вращается вдохновенная мысль отца Иоанна в его дневнике, главным предметом, которому посвящена большая часть страниц этого замечательного дневника, предметом, которого он так или иначе касается даже и там, где говорит о других основах христианской веры и жизни.

С этим учением отца Иоанна о молитве мы и постараемся, с Божиею помощью, познакомить достопочтенное собрание почитателей отца Иоанна в настоящую первую годовщину его блаженной кончины, руководясь надеждою, что великий молитвенник, стяжавший дар сильной пред Богом молитвы, молитвы, способной творить чудеса, и каждого из нас может научить молиться угодною Богу молитвою и приобрести ею от Бога все необходимое для нашего временно-го благополучия и вечного спасения.

«Колокольный звон, — говорит в своем дневнике отец Иоанн, — это зов на беседу

с Богом, детей с Отцем, зов на явку пред Него» (II, 334). «Молитва — золотая связь человека-христианина, странника и пришельца на земле, с миром духовным, которого он член, и паче всего с Богом, источником жизни; от Бога вышла душа, к Богу да и грядет всегда через молитву» (I, 116). Как средство к общению и единению с Богом, молитва есть доказательство высокого достоинства человека, его богоподобия, богатства его души, его бессмертия, великая честь, которой среди всех земных творений Господь удостоил одного человека, бесценный дар Господа человеку, высокое счастье, которым должен дорожить христианин и за которое всегда должен благодарить Господа. «Молитва, — говорит отец Иоанн, — есть доказательство моей разумной личности, моей богообразности, залог моего будущего обожения и блаженства. Я из ничего создан; я ничто пред Богом, как ничего своего не имеющий; но я, по милости Его, есмь лицо, имею разум, сердце, волю свободную, и при своем разуме и свободе могу сердечным об-

ращением к Нему постепенно увеличивать в себе Его бесконечное царствие, постепенно все больше и больше умножать в себе Его дарования, почерпать из Него, как из приснотекущего неисчерпаемого источника, всякое благо духовное и телесное, особенно духовное. О, молитва — знак моего великого достоинства, которым почтил меня Создатель!» (II, 255). «Какое богатство духа человеческого, — говорит в другом месте великий молитвенник, — только помысли он сердечно о Боге, только пожелай сердечного соединения с Богом, и Он сейчас с тобою: и ни стены дома, никакие заклепы темниц, ни горы, ни пропасти не воспрепятствуют этому соединению, Бог сейчас с тобою; так и Ангелы и святые: с Богом они все пред твоими глазами, у твоего сердца, как самые близкие друзья, как присные тебе; о, богатство духа человеческого!» (II, 256).

Ввиду высокого достоинства самой природы молитвы как средства соединения человека с Богом и святыми человек «всегда должен считать за великое счастье беседо-

вать в молитве с Господом или с Пречистою Госпожею Богородицею, или с Ангелами, или со святыми человеками, и с радостью и с трепетом благоговения молиться им всегда, памятуя, с кем беседует он, нечистый и ничтожный червь» (II, 207). «Какая безмерно великая честь человечеству, — говорит отец Иоанн, — что оно может отверзать уста свои пред Богом, вступать с Ним в беседу, просить Его о своих нуждах, благодарить за благодеяния, славословить Его за неизреченную велелепоту Его и быть уверенным, что эта жертва благодарения и славословия приятна Богу, что лучшие, духовные, ко спасению душ наших относящиеся прошения наши всегда исполняются! Как и в этом отношении человек безмерно превознесен пред всеми чувственными и одушевленными тварями! Ни одна тварь не получила от Бога такой чести, хотя и они имеют свой язык, выражающий нужды их природы, ибо сказано, что и “птенцы врановы призывают Господа” (Пс. 146, 9)» (I, 231). «Призывая в молитве Господа Бога, в трех Лицах, —

говорит еще отец Иоанн, — помни, что ты призываешь Безначального Отца всей твари, Ангелов и человеков, что тебе, призывающему, удивляются все Силы Небесные и с любовью взирают на тебя за то, что ты с верою и любовью и подобающим благоговением призываешь общего их и нашего Отца, Творца, Вседержителя и Господа, Коего они безмерно любят, пред Коем крепко благоговеют. О, какое высокое счастье и блаженство, какое величие, какое достоинство призывать Вечного Отца! Дорожи постоянно и неизменно этим высочайшим счастьем, этим блаженством, которое предоставила тебе бесконечная благодать Бога твоего, и не забывайся во время молитвы твоей. Тебе внимает Бог, тебе внимают Ангелы и святые Божии человеки» (I, 333).

Для чего же необходимо это постоянное молитвенное обращение человека к Богу и святым Его? Необходимо оно для сохранения и для поддержания жизни нашей души, которая может жить истинною жизнью лишь под условием постоянного общения с Богом

и святыми его. В этом смысле «молитва, — по учению отца Иоанна, — есть как бы дыхание души, духовная пища и питье, духовный воздух и вместе свет, духовный огонь и духовное одеяние» (I, 251; II, 191), и столь же необходима для нашей души, как дыхание необходимо для нашего тела, как нужны для него естественный воздух, теплота, пища, питье и одеяние. «Для чего нужно, — спрашивает отец Иоанн, — и дома молиться, и ходить в церковь к богослужению? А для чего ты ешь и пьешь и ходишь на свежий воздух каждый день или работаешь каждый день? Для того чтобы поддерживать жизнь тела и укреплять его. И молиться нужно непременно для того, чтобы поддерживать и возбуждать жизнь души, подкреплять душу, недугующую грехами, очищать ее. Если, поэтому, ты не молишься, то весьма неразумно и безрассудно поступаешь, тело всячески поддерживая, услаждая, укрепляя, а душу оставляя в пренебрежении» (II, 74).

«Тело наше, — пишет отец Иоанн в другом месте, — живет теми стихиями, из ко-

торых само составлено, постоянно впитывает в себя воздух, воду, органические тела; душа наша живет божественным духом, от которого она имеет свое начало, и постоянно впитывает в себя, для поддержания своей жизни, жизнь Триипостасного Бога, чрез свет ума, благорасположения и желания сердца и воли и крепость в добре. Как тело, не питаясь сродными ему началами, не может жить и умирает, так и душа наша, не питаясь молитвою или добрыми мыслями, чувствами, делами, также умирает. Как для питания и поддержания жизни нашего тела всегда готова та среда, в которой оно живет, именно: свет, воздух, вода, пища; и воздухом, как более необходимым для его жизни, оно постоянно окружено, а вода везде, так сказать, находится под руками, равно как растения и животные; так и для души нашей всегда готовы в изобилии силы для поддержания ее жизни, ее духовная пища, платье, одежда — в Триедином Боге. Находясь весь на всяком месте, как бы воздух или как мысленный свет, Господь каждое мгновение

нашей жизни готов, по вере нашей и ради постоянно молитвенного настроения нашей души, поддерживать наши душевные силы своею вседействующею благодатью, бывает для нас непрестанно светом нашего ума и сердца, воздухом, которым дышит наша душа, пищею, которою она питается и подкрепляется, и теплотою животворящею, которою она согревается, и одеждою, которою она не только прикрывает свою греховную наготу, но и украшается ею, как царскою порфирию» (I, 135—136).

Необходимая для сохранения и поддержания духовной жизни в здоровом состоянии, молитва необходима и потому еще, что предохраняет нашу душу от постоянно угрожающих ей духовных болезней, служит врачевством для наших нравственных недугов и способна даже вновь оживить сердце, пораженное какою-либо смертельною духовною болезнью. «Непрестанно молись, — увещевает своих читателей отец Иоанн, — призывая имя Живоначальных Троицы, да не сразит твоей души внезапно какая-ли-

бо страсть, гордость или зависть, или злоба и ненависть, или скупость, или сребролюбие, или чревоугодие, или гнев и раздражительность, или осуждение и презорство, или ложь и клевета и подобное; ибо среди сестей ходим все мы каждый час, каждую минуту жизни. Да будут настороже каждый час, каждую минуту сердечные очи твои; да будет сердце твое бодрствующим не только днем, но и ночью, по Писанию: *Аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2)» (I, 304).

Утрату духа молитвы отец Иоанн объясняет и столь распространенные ныне болезни духа — неверие и маловерие. «Люди впали в безверие, — пишет он, — оттого, что потеряли совершенно дух молитвы или вовсе не имели и не имеют его, — короче, оттого, что не молятся. Князю века сего простор для действия в сердцах таких людей, он — господин в них. Молитвою они не испрашивали и не испрашивают себе у Господа росы благодати Божией (а только просящим и ищущим подаются дары Господни), и вот сердца, испорченные по природе, без живи-

тельной росы Духа Святого, пересохли, и от крайней сухоты, наконец, запылали адским пламенем неверия и различных страстей, а диавол знает только воспламеняет страсти, поддерживающие этот ужасный огонь, и торжествует при виде гибели несчастных душ, искупленных кровию Того, Кто пограл его державу» (I, 37). «Здесь, в мире суеты, в мире прелюбодейном и грешном, непрестанно и часто незаметно души и тела наши червь и тля тлит, а татие мысленные подкапывают и крадут сокровища души — правду и мир и радость о Дусе Святе. Какое же верное средство от этого постоянного растления греховного, от этих мысленных татей? Молитва покаяния и веры. Она оживляет истлевающую в обольстительных похотях душу нашу, прогоняет мысленных татей; она — бич их, а для нас источник силы, жизни и спасения. Молитва и предохраняет и избавляет нас от греха» (I, 73—74). Но и этим не ограничивается значение молитвы в борьбе со грехом. «Сердце наше ежедневно умирает духовною смертию»,

так как человек постоянно грешит и «постоянно погибает от греха» (I, 76), а «теплая слезная молитва есть оживление его, начинающееся дыхание его, и если не молиться ежедневно с теплотою духовною, то легко скоро умереть духовно» (II, 404).

Поддерживая духовную жизнь и здоровье христианина, предохраняя и избавляя душу его от нравственных недугов и духовной смерти, молитва является также необходимым средством постепенного духовного возрастания христианина от силы в силу, постепенного нравственного усовершенствования его, обожествления его природы и вместе предвкушением будущего блаженного состояния на небе. Первым и самым существенным условием нравственного развития человека является сознание им своей полной всецелой зависимости от Бога и в особенности нашей крайней нравственной немощи без Него. Но ничто не развивает и не может развивать в такой мере этого сознания, как молитва, хотя и сама она вытекает из сознания нашей зависимости от Бога (I, 88). Молит-

ва поддерживают в нас «постоянную и твердую уверенность сердца, что все, — и души и тела наши с их благосостоянием и неблагосостоянием, и все имение наше и все обстоятельства жизни — мы имеем от Бога, от державы Его, а не от природы, не от случая, не от себя. Не стань молиться Богу, — и скоро забудешь сердцем Благодетеля, Творца и Господа Своего, а с забвением Его впадешь во всякое зло» (I, 168—169). Чтобы дать нам почувствовать эту зависимость и тем самым укрепить нашу слабую в начале веру и упование на Бога, Господь, по словам отца Иоанна, «учит нас живой вере в Него так, как мать младенца учит ходить. Поставит мать младенца, оставит его самому себе, а сама отойдет, потом велит идти к себе младенцу. Младенец плачет без матери, хочет идти к ней, но боится сделать попытку шагнуть, усиливается подойти, делает шаг и падает... Так и христианина Господь учит вере в Него как ходьбе (вера — духовный путь): так слаба наша вера, так печальна, как младенец, учащийся ходить. Оставляет его Го-

сподь Своею помощью и предает диаволу или разным бедствиям и скорбям, а потом, когда будет крайне нужна помощь избавиться от них (когда нам нет нужды в спасении, дотоле мы готовы не ходить к Нему), как бы велит смотреть на Себя (непрерменно смотри на Него) и идти к Нему за этою помощью; христианин усиливается это делать, раскрывает сердечные очи (как младенец расставляет ноги), усиливается ими увидеть Господа, но сердце, не наученное еще лицезрению Божию, боится своей смелости, спотыкается и падает; враг и прирожденная испорченность греховная закрывают его от Господа, и он не может подойти; а Господь близко, готов взять к Себе как бы на руки, только подойди к Нему верою, и — когда сделаешь усилие совсем увидеть Его сердечными очами, попадешь на Него сердечным зрением, тогда Он простирает Сам руку помощи, как бы берет на руки, и прогоняет врагов, и чувствует христианин, что попал на руки к Самому Спасителю... Так учит нас Господь сознавать свою крайнюю нравственную не-

мощь без Него, сокрушаться сердцем и быть в постоянно молитвенном расположении духа (I, 65—66)».

По мере укрепления и возрастания человека в духовной жизни плодом постоянного молитвенного общения его с Богом является все более и более быстрое и тесное соединение его с Богом и святыми Его, и скорое приобретение, путем этого соединения, всего того, о чем просит он в своих молитвах, всех необходимых человеку духовных и вещественных благ. «Как чрез электрический телеграф, — пишет отец Иоанн, — мы быстро сообщаемся с отдаленными от нас лицами, так чрез живую веру, как чрез какой-либо телеграф, мы быстро сообщаемся с Богом, с Ангелами и святыми. Как вполне мы полагаемся на быстроту электрического тока и его доходчивость, так совершенно должны полагаться на быстроту и доходчивость молитвы веры. Пустя по телеграфу веры прошение свое к Богу или святым и немедленно получишь ответ. Просты ответные показания телеграфа, но

опытные читают их, просты и действия на сердце Бога духов и всякой плоти и святых, но опытный понимает их» (II, 269). Уже одно благоговейное произнесение великих имен: Пресвятая Троица, или — Отец, Сын и Святой Дух, или — Отец, Слово и Святой Дух, — даже одна мысль об этих именах, связанная с живою, сердечною верою, низводят в нашу душу Самого Бога в трех лицах. Но «из Бога и Богом и в Боге всяческая» (см. Рим. 11, 36) — потому, если ты живую верою и добродетелью, особенно кротостью, смирением и милосердием, соединен с Богом Триипостасным, проси у Него чего хочешь, чего научит тебя просить Дух Святой, и будет тебе. Все, чего бы ты ни попросил, меньше, без всякого сомнения бесконечно меньше Самого Дателя, как от Него имеющее бытие. А как Сам Податель, Само это бесконечное простое Существо может быть, некоторым образом, обнято одною нашею мыслию, одним словом, то верь, что одно слово твое, одно прошение твое об исполнении чего-либо, тотчас, по

манию Господа, может стать вещию и делом. *Речет — и будет, повелит и создастся* (Пс. 32, 9). Вспомни Моисеевы чудеса, вспомни, как этот человек Божий был Богом для фараона и как мгновенно, по его слову, или по движению руки и жезла его все претворялось или появлялось» (II, 243—244). «Зри Бога твердо сердечными очами, и во время Его созерцания проси, чего хочешь, во имя Иисуса Христа, и будет тебе. Бог будет для тебя всем в одно мгновение, ибо Он простое существо, выше всякого времени и пространства, и в минуты твоей веры, твоего сердечного единения с Ним, совершит для тебя все, что тебе нужно ко спасению тебя и ближнего; и ты будешь на это время сам причастен Божеству по преискреннему общению с Ним: *Аз рех: Бози есте* (Пс. 81, 6): как между Богом и тобою на этот раз не будет промежутка, то и между твоим словом и между самим исполнением тоже не будет промежутка: скажешь и тотчас совершится, как и “Бог рече — и быша, повеле и создашася” (Пс. 32, 9)» (I, 383).

Отец Иоанн на основании собственного опыта мог засвидетельствовать, что молитва веры действительно всегда бывает услышана, что для такой молитвы нет и не может быть ничего невозможного. «Сколько раз я ни молился с верою, Бог всегда слушал меня и исполнял молитвы мои» (II, 311), — пишет он в своем дневнике, сообщая и несколько случаев, совершенных силою Божию по молитве его чудесных исцелений от смертельных болезней. Рядом с бесчисленными свидетельствами самих исцеленных немногочисленные свидетельства самого отца Иоанна о совершенных им чудесных исцелениях заслуживают особого внимания. «Некто, — пишет отец Иоанн, — бывши смертельно болен воспалением желудка девять дней и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий, — лишь только причастился в девятый день поутру Животворящих Таин, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердою верою. Я молился об нем Господу, чтобы Он исцелил его... Молился

я, между прочим, так: «Господи! Живот наш! Как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца; — исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданию жена и дети». — И благопослушливый Владыка помиловал. А то был на волосок от смерти. Слава всемогуществу, благодати и благопослушеству Твоему, Господи» (I, 290). «Младенцы Павел и Ольга, — пишет отец Иоанн в другом месте, — по беспредельному милосердию Владыки и по молитве моего непотребства исцелились от одержавшего их духа немощи. У Павла-малютки немощь разрешилась сном, малютка Ольга получила спокойствие духа, и личико из темного сделалось ясным. Девять раз я ходил молиться с дерзновенным упованием, надеясь, что упование не посрамит, что толкущему отверзется, что хоть за неотступность даст мне Владыка просимое: что если неправед-

ный судия удовлетворил, наконец, утруждавшую его женщину, то тем более Судия всех, Праведнейший, удовлетворит мою грешную молитву о невинных детях, что Он призрит на труд мой, на ходьбу мою, на молитвенные слова и коленопреклонения мои, на дерзновение мое, на упование мое. Так и сделал Владыка; не посрамил меня, грешника. Прихожу в десятый раз — младенцы здоровы. Поблагодарил Владыку и Пречистую Заступницу» (I, 292).

Но не столько эти чудесные исцеления телесных болезней, о которых отец Иоанн, как мы заметили, вспоминает сравнительно редко, останавливают на себе внимание его в его дневнике, сколько те не менее чудесные внутренние изменения, которые, по свидетельству отца Иоанна, основанному опять-таки на личном опыте, молитва, особенно молитва в храме, производит в верующем христианине, и о которых он говорит почти на каждой странице своего дневника. «Люблю я, — восклицает отец Иоанн, — молиться в храме Божиим, особенно в свя-

том алтаре, у престола или у жертвенника Божия, ибо чудно изменяюсь я во храме благодатию Божиею: в молитве покаяния и умиления спадают с души моей терния, узы страстей, и мне становится так легко; все обаяние, вся прелесть страстей исчезают, я как бы умираю для мира, и мир для меня со всеми благами: я оживаю в Боге и для Бога, для единого Бога, и весь Им проникаюсь и бываю един дух с Ним; я делаюсь как дитя, утешаемое на коленях матери; сердце мое тогда полно пренебесного сладкого мира; душа просвещается светом небесным; все светло видишь, на все смотришь правильно, ко всем чувствуешь дружество и любовь, к самим врагам, и охотно их извиняешь и прощаешь. О, как блаженна душа с Богом» (II, 18).

Правда, этого полного соединения с Богом чрез молитву и связанных с ним благ — могущества, силы, свободы от всякого греха, святости и полноты всякой добродетели и блаженства достигают только немногие усердные, и то не вдруг, а постепен-

но» (II, 36). «Странно думать, тем более требовать, — пишет отец Иоанн, — чтобы заматеревшее в суете житейской сердце могло вскоре проникнуться теплотой веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для этого нужен труд и труд, время и время. *Царствие Небесное силою берется, и только употребляющее усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Нескоро Царствие Божие приходит в сердце, когда от него люди бегают. Сам Господь изъясняет волю свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, надолге ходившую к судье и утруждавшую его просьбами своими (см. Лк. 18, 2—6)» (II, 109). Поэтому нужно «ежедневно полоть ниву своего сердца, по крайней мере, на вечерней и утренней молитве, освежать ее спасительными вздохами, как ветрами благорастворенными, орошать ее обильными слезами, как дождем ранним и поздним, внедрять в нее семена добродетелей — веры, надежды на Бога, любви к Богу и ближнему, удобрять и оплодотворять ее молитвою, терпением, добрыми де-

лами, и на час не оставаться в совершенной праздности и бездействии, ибо во времена праздности и бездействия враг усердно сеет свои плевелы» (I, 189). Объясняя это постепенное обогащение души духовными дарованиями посредством молитвы и соединения с Богом и святыми Его чрез молитву, отец Иоанн пишет: «Как в мирском быту есть бедные и богатые, так и в духовном мире, в духовном порядке есть бедные и богатые. Бедные просят у богатых и достаточных и без них не могут жить, так и в духовном порядке бедные должны прибегать к пособию духовно богатых. Мы духовно бедные, нищие, а святые — духовно богатые, или в этой жизни еще сияющие верою и благочестием. К ним-то мы, бедняки, должны прибегать, их молитв просить надо, чтобы они помогли нам сделаться простыми, яко младенец, чтобы они научили нас духовной мудрости, как побеждать грехи, как возлюбить Бога и ближнего» (I, 355). Еще важнее в этом отношении молитвенное общение с Богом, ибо в Нем, как в сокровищнице, заключается все

богатство души, которая есть как бы некоторый отпечаток Божества, и из этой сокровищницы мы можем почерпать всякое духовное благо молитвою веры и терпением и очищением себя от всякой скверны (II, 809; см. II, 132). «Говори Господу: мой ограниченный дух исшел от Твоего беспредельного всесовершенного Духа; вот я беден, Владыко мой, премудростию и разумом, или верою, надеждою и любовью, кротостию и смирением; призи на желание сердца моего и даруй мне Твою премудрость, веру непостыдну, надежду известну, любовь нелицемерну» (Ibid)*. Так мало-помалу, путем усердной неустанной молитвы совершается обновление растленного грехом естества человеческого, нежнее и тоньше становятся душевные чувства: — чувство зависимости нашей во всем от Бога, признательной к Нему любви — и естество наше вновь приобретает благородство Ангельское, даже выше Ангельского, — благородство Сына Божия (I, 377;

* Ibid. — лат. сокращение от *ibidem*, «то же место», в русскоязычной литературе распространен эквивалент «там же». — *Ред.*

II, 357—358) — в нем восстанавливается образ Божий и подобие Божие; оно соделывается новою тварию и опять соединяется с Богом, делается участником Божественных совершенств, приобретает богоподобие, которого и святые достигали ничем иным, как верою и любовью, трудами, смирением, послушанием, молитвами непрестанными (II, 132). «Ощущал я тысячекратно, — свидетельствует отец Иоанн, — в сердце моем, что после причастия Святых Таин или после усердной молитвы домашней, — обычной или по случаю какого-либо греха, страданий и скорби и тесноты, — Господь, по молитвам Владычицы, или сама Владычица, по благодати Господней, давали мне как бы новую природу духа: чистую, добрую, величественную, светлую, мудрую благодетельную, вместо нечистой, унылой и вялой, малодушной, мрачной, тупой, злой. Я много раз изменялся чудным великим изменением, на удивление самому себе, а часто и другим» (II, 38).

Возводя человека на высоту нравственного совершенства и богоподобия, молит-

венное общение человека с Богом награждает его великими духовными утешениями: неизъяснимой радостью, миром, спокойствием, подъемом энергии и успехов в трудах своего звания и неизъяснимых блаженством, которое служит залогом блаженного соединения нашего с Богом в будущем веке (II, 294). К этому-то небесному соединению с Богом и подготавливает нас нынешнее соединение с Ним в усердной молитве. «Блаженство прилепления Богу здесь на земле, — пишет отец Иоанн, — есть образец и залог блаженства прилепления Богу после смерти — в вечности (I, 75). Видишь, как благ, милосерд, истинен Творец; чтобы уверить тебя в будущем блаженстве, происходящем от соединения с Ним. Он дает тебе испытывать начаток этого блаженства здесь — на земле, когда ты искренно приступаешь к Нему. Невидимая душа наша действительно еще здесь успокаивается в невидимом Боге, значит, тем больше по отрешении от тела она упокоится в Нем». «Признак милости к нам Господа, или Пречистой Матери

Его, после или во время молитвы, — говорит отец Иоанн, — есть мир сердечный, особенно после действий какой-либо страсти, которой свойство — отсутствие мира душевного. По сердечному миру и какой-то святой неге сердечной мы легко можем узнать, что молитва наша услышана и благодать просящая подана» (II, 283). Правда, «плотский человек не понимает духовного блаженства, происходящего от молитвы и добродетели, и не может разуметь хотя сколько-нибудь, что за блаженство будет в том веке. Он ничего не знает выше земного плотского блаженства, и будущие блага считает за мечту воображения. Но духовный по опыту знает блаженство души добродетельной и заранее предвкушает сердцем будущее блаженство» (I, 187—188). «По молитве, когда душа наша всецело бывает обращена к Богу и соединяется с Ним, мы чувствуем себя прекрасно, покойно, легко, радостно, как дети, упокоиваемые у груди матерней, или, лучше сказать, как-то невыразимо хорошо; *добро нам zde быти* (Мф. 17, 4). И так подви-

зайся неослабно за будущее нескончаемое блаженство, которого начатки ты опытно знаешь и в настоящей жизни, но внимай: это только начатки земные, несовершенные, видимые только отчасти, как бы в зеркале и гадании (см. 1 Кор. 13, 12); каково же будет нам, когда мы самым делом приискренне соединимся с Богом, когда образы и тени пройдут, и настанет царство истины и видения? О, до смерти нужно подвизаться за будущее блаженство, за будущее единение наше с Богом» (I, 184).

«Ласкайся к Спасителю и Божией Матери, как искренний сын или дочь, ласкайся, говорю, прочитывая каноны, акафисты Иисусу Сладчайшему и Божией Матери, ласкайся и к святым горячими молитвами и положенными канонами и акафистами, и не будешь посрамлен, вскоре же сам ощутишь в своем сердце ласку небесную от Духа Святого»*.

* Цитата приведена по изданию: Живой колос с духовной нивы протоиерея Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского. Выписки из дневника за 1907—1908 гг. с портр. и эпитафией авт. — Спб.: Синод. тип., 1909. — 158 с. — п. 143.

Успех молитвы узнается еще по силе духовной, какую мы внутренне воспринимаем к деланию дел нашего звания, и по внутреннему свету, явно приходящему в душу. «Иногда мы стоим в церкви или дома на молитве в расслаблении духа и тела: и бессильна, хладна, бесплодна бывает душа наша, как она языческая неплодящая церковь; но лишь напряжем сердце свое к искренней молитве к Богу, обратим мысли и сердце свое к Нему с верою живою, тотчас оживет, согреется и оплодотворится душа наша; какое вдруг спокойствие, какая легкость, какое умиление, какой внутренний святой огонь, какие теплые слезы о грехах, какое искреннее чувство сожаления о том, что прогневали ими Владыку Преблагого, какой свет в сердце и уме, какой обильный поток живой воды заструится в сердце и уме, льющийся свободно с языка или с пера и карандаша на бумагу; пустыня душевная процветает яко крин пришествием Господа в сердце. Сколько у Него всегда открыто для нас покоя, утешения! Коль многое множество благодати

Твоя, Господи, юже скрыл еси боящимся Тебе» (I, 150). И Сам Бог «для того хочет от нас всегдашнего обращения к Нему в молитве, чтобы нас, одичавших грехом и удаляющихся от Него чад Своих, привлечь к Себе, очистить и заключить в объятия Своей любви, чтобы показать нам, как у Него всегда благо нам» (II, 344).

Соответственно высокому достоинству и значению молитвы как средства соединения человека с Богом и святыми Его и вместе как средства нравственного очищения и преуспевания человека и самое содержание молитв христианина должно быть возвышенно и свято. Чтобы не погрешить в этом отношении, отец Иоанн советует руководиться в молитве образцами молитвы, которые предлагает нам руководительница и воспитательница наша в духовной жизни, Святая Церковь. «Так как первый учитель наш молитве, — пишет отец Иоанн, — есть Церковь, которая научена молиться так прекрасно Самим Духом Святым, так как мы сами не вемы, о чем помолимся, яко-

же подобает (см. Рим. 8, 26), то обязанность всякого христианина — знать язык Матери своей Церкви. Грех тому, кто не знает его достаточно; грех особенно тем, которые, выучившись языкам иностранным, не хотели и не хотят учиться языку Матери-Спасительницы» (II, 306). Самое «повиновение Церкви чад ее должно начинаться совершенным доверием ее молитвам, таинствам и обрядам и оканчиваться исполнением на деле всех ее законоположений» (II, 309). «Во время богослужения, — пишет отец Иоанн, — во время совершения всех таинств и молитвословий будь доверчив, как дитя по отношению к своим родителям. Помни, какие великие отцы, какие светила вселенные, Духом Святым озаренные, руководят тебя! Как дитя будь прост, доверчив, не сумнителен в деле Божиим. Всю печаль возверзи на Господа (см. Пс. 54, 23), а сам будь совершенно беспечален. *Не пецйтесь, како или что возглаголете; не вы бо будете глаголющие, но Дух Отца вашего глаголай в вас* (Мф. 10, 19–20). Давно Господь снял с нас

эту заботу, эту печаль, научив богоносных отцов наших Духом Своим, что глаголать Господу при богослужении, совершении Таинств и при разных случаях и обстоятельствах человеческой жизни, требующих молитвы, низводящих свыше благословение. Нам должно быть легко молиться» (I, 236). Но не одного доверия к словам молитв и песнопений церковных требует от христиан великий молитвенник: христианин должен благоговеть «перед каждым словом, перед каждою мыслию... молитв и песнопений, которые он слышит в церкви или кои дома произносит. Потому что все это — дыхание и словеса Духа Святого: это, так сказать, Сам Дух Святой, ходатайствующий о нас и чрез нас воздыхании неизглаголаными» (II, 55). «Голос церковных чтений, песней, молитв и молений — это голос душ наших, излившийся от сознания и чувств наших духовных нужд и потребностей; это — голос всего человечества, сознающего и чувствующего свою бедность, свою окаянность, свою греховность, нужду в Спаси-

теле, нужду в благодарении и славословии за благодеяния бесчисленные и совершенства Божии бесконечные. Чудны эти молитвы и песни; они — дыхание Духа Святаго» (II, 66). И «если бы все пастыри или священно-церковнослужители и пасомые молились Богу искренно, дружно и единодушно теми молитвами, какие произносит вслух нам или тайно совершает Церковь, то о чем бы не умолили мы Бога? Какого блага мы не имели бы, от каких грехов и страстей, от каких зол, бед и напастей не избавились бы? Молитвы эти самые мудрые, целесообразные, самые богоугодные, самые сильные, способные преклонить Господа ко всякому милосердию» (II, 84). «Святые Божии люди имели *просвещенные очеса сердца* (Еф. 1, 18) и этими очами они созерцали нужды нашей растленной грехом природы, ясно видели, о чем нам нужно молиться, чего просить, за что благодарить, как славить Господа, и оставили нам превосходнейшие образцы молитв всякого рода. О, как хороши эти молитвы! Мы иногда не чувствуем

и не знаем цены их, между тем как прекрасно знаем цену пище и питию, цену модной одежде, хорошо меблированной квартире, цену театрам, цену музыке, цену светской литературе, именно цену романам, этому красноречивому пустому многословию, и — увы! — драгоценный бисер молитвы попираем ногами своими; и тогда как все светское находит просторный приют в сердцах большей части, молитва, — увы! — не находит и тесного уголка в них, не вмещается в них» (I, 263).

И какое богатое и высокое содержание умел находить отец Иоанн в самых обычных, наиболее часто употребляемых Церковью ежедневных молитвословиях. Каждое слово этих молитвословий действительно было полно для него высокого и таинственного смысла, способного потрясти душу христианина и вызвать в ней высокое, спасительное настроение. «Что значит, — спрашивает, например, отец Иоанн, — поемое часто в Церкви «Господи помилуй»? Это вопль виновного и осужденного на казнь, прося-

щего помилования у раздраженного правосудия. Мы все повинны вечному проклятию и вечному огню за свои бесчисленные грехи, и только благодать Господа Иисуса Христа, ходатайствующего о нас пред Отцем Небесным, спасает нас от вечного наказания. Это вопль кающегося, изъявляющего твердое намерение исправиться и начать новую жизнь, подобающую христианину. Это вопль грешника, который готов сам миловать других, как безмерно помилованный и милуемый Богом, Судиею дел его» (II, 196). «Великая ектения, — говорит отец Иоанн в другом месте, — ежедневно произносимая в Церкви, есть премудрая ектения, ектения любви; в ней христиане живущие и святые представляются одним великим сочленением тела Иисуса Христа. Прекрасно завершается она последним возгласом: “Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим”. Сугубая и проситель-

ная ектения тоже прекрасны. Мы привыкли к ним, но вообрази себе, что мы в первый раз их слышим, поставим себя на месте иностранцев» (II, 56). Но с особенною настойчивостью внушает отец Иоанн христианам благоговейное отношение к словам молитвы Господней. Вот одно из предлагаемых отцом Иоанном кратких объяснений этой молитвы: «Христианин, помни и носи всегда в мыслях и в сердце великие слова молитвы Господней: *Отче наш, Иже еси на Небесех* (помни, кто наш Отец? Бог — Отец наш, Любовь наша; кто мы? — мы — дети Его, а между собою братья; в какой любви между собою должны жить дети такого Отца? *Аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили* (Ин. 8, 39); какие же дела должны делать мы? *Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя. Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (хлеб наш — общее все — а не свой; самолюбие должно быть изгнано из сердец чад Божиих: мы одно); *и остави нам долги наша* (хочешь и любишь, чтобы Бог прощал те-

бе грехи, за обычное считай прощать грехи и людям, согрешающим против тебя, зная, что любовь долготерпит и милосердствует). *Не введи нас во искушение* (и сам не вдавайся во искушения; *не даждь во смятение ноги твоя, ниже воздремлет храняй тя...* *Господь покров твой на руку десную твою* (Пс. 120, 3—5). *Но избави нас от лукавого* (сам не предавайся ему волею, и Господь не выдаст тебя ему). *Яко Твое есть Царство* (признавай Единого Царя Бога и Ему единому работай) *и сила* (на Его всемогущую силу уповай) *и слава* (о Его славе ревнуй всеми силами и во всю жизнь) *во веки* (Он Вечный Царь, а царство сатаны скоро прейдет как хищническое и ложное). *Аминь* (истинно все это). Помни больше всего эту молитву и чаще ее прочитывай в уме, да размышляй об ней, что значит в ней каждое слово, выражение и прошение» (II, 39—40).

Внушая верующим пользоваться в своих молитвенных обращениях к Богу словами церковных молитвословий, отец Иоанн не возбраняет, однако, пользоваться

в молитве и своими собственными словами, не возбраняет особенно тем, которые уже достигли известной зрелости в духовной жизни. «Хорошо иногда, — читаем мы в одном месте его дневника, — сказать несколько своих слов, дышащих горячею верою и любовью ко Господу. Да, не все чужими словами беседовать с Богом, не все быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум, *отрыгнуть от сердца и свое слово благо* (см. Пс. 44, 2), притом же к чужим словам как-то привыкаем и хладеем. И как приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодарного сердца — пересказать нельзя: надобно только то сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостью, вся разгорячается, оживляется, блаженствует. Несколько слов скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получишь его в такой мере от самых длинных и трогательных чужих молитв, по привычке и неискренно произносимых» (I, 153).

Следуя указанию и руководству Матери своей Церкви, христианин в молитвах своих старается «молиться больше за всех, чем за себя одного, и живо представляет себе всех людей вместе с собою единым телом и каждого в отдельности — членом тела Христова и своим собственным членом, памятуя слова апостола: *есмы друг другу удове* (Еф. 4, 25); за всех он молится так, как молится за себя, с такою же искренностью и теплотою; их немощи и болезни считает своими немощами и болезнями; их невежество духовное, их грехи и страсти — своим невежеством, своими грехами и страстями; их искушения, напасти и скорби многообразные — своими искушениями, напастями и скорбями» (II, 135—136).

Понятно также, что, повинуясь духу молитв церковных, истинный христианин будет просить в молитве как для ближних, так и для себя прежде всего благ духовных, а потом уже на втором плане — того, что необходимо ему для временной жизни. «Чтобы не раболепствовать ежедневно

страстям и диаволу, надо, — говорит отец Иоанн, — задать себе цель, постоянно иметь ее в виду, побеждая именем Господним все препятствия. Какая же это цель? Небесное Царство, Божественный чертог славы, уготованный верующим от сложения мира. Но как цель достигается известными средствами, то необходимо иметь в своем распоряжении и эти средства. Какие же это средства? Вера, надежда и любовь, особенно же любовь. Веруй, надейся, люби, особенно люби, несмотря ни на какие препятствия, Бога больше всего и всякого ближнего как себя. Нет у тебя сил сохранить эти бесценные сокровища духа человеческого, припадай чаще к Богу любви, проси, ищи, толцы: приимешь, обретешь, отверзется (см. Мф. 7, 7, 8) — верен Обещавший. Сидя, лежа, беседуя, занимаясь, во всякое время молись сердцем о даровании веры и любви. Ты не просил еще как следует, с жаром и постоянством, не имел полного намерения стяжать их. Отсле скажи: се начах» (I, 69). А так как главным препятствием на пути к приобретению

христианских добродетелей веры, надежды и любви является грех и страсти греховные и виновник их диавол, то каждый христианин должен молиться как за себя, чтобы Господь помог ему искоренить в себе страсти лютые и неудобоисцелимые, так и за братьев, чтобы Господь освободил их от лести и тли страстей, от омрачения и тесноты их. «Надо помнить, — пишет отец Иоанн, — что мы одно тело греховное, более или менее зараженное в членах своих дыханием общего врага — диавола, и сами по себе, без благодати Божией, бессильны избавиться от этого мертвящего и омрачающего дыхания; только Дух Святой дыханием Своим может разогнать бесовскую мглу страстей и силу крестных заслуг Господа Иисуса Христа, и, значит, надо смиренно молиться Господу в духе; братской любви о всех братьях наших и о всех людях, дабы избегли они мглы страстей и великой прелести их, которою они услаждаются, не ведая их гибельности; например, богатый услаждается богатством своим; честолюбивый — отлич-

ями; чревоугодник — пищею и питьем и лакомствами; злобный — злобою; завистник — страждующею жертвою его зависти и пр.» (I, 358—359).

Если в просительных молитвах своих мы на первом плане должны искать духовных благ, то и в молитвах хвалы и благодарениях на первом плане должны стоять духовные же блага, в изобилии получаемые нами от Бога. «Ежедневно благодари, — пишет отец Иоанн, — от всего сердца Бога за дарование тебе жизни по образу и по подобию Его, жизни разумно свободной и бессмертной. Особенно благодари за то, что Он тебя, падшего в вечную смерть, восстановил и направил опять к жизни и не простым действиям всемогущества, ибо это несообразно было бы с правосудием Его, а даровавши в выкуп за нас Единородного Сына Своего, пострадавшего и умершего за нас; благодари еще за то, что Он тебя ежедневно, волею чрез грехи падающего из жизни в смерть, бесчисленное множество раз, — снова дарит жизнь за то только, что ты

от сердца скажешь: *согреших, Отче, на Небо и пред Тобою* (Лк. 15, 18); благодари еще за то, что Он тебя, безрассудно ввергающего себя в болезни — предвестницы смерти телесной, часто избавляет от них, исправляет твои ошибки и не лишает тебя земного живота твоего, зная, что он дорог для тебя, что ты не готов еще к той вечной жизни. Благодарим Его за все средства к жизни, за все радости и скорби в жизни, ибо все от Него, Всеблагого Отца, все от первой оной начальной жизни, всем уделившей и взаимодавшей жизнь» (I, 152)». «Душа невольно порывается к славословию, — пишет в другом месте отец Иоанн, — когда смотришь на звездное небо; но еще более она порывается к славословию, когда, смотря на небеса и звезды, яже Бог основал, представишь себе промыслиение Божие о людях, как Бог бесконечно любит людей, заботится о их вечном блаженстве, не пощадив и Сына Своего Единородного для спасения нашего и упокоения в Царствии Небесном! Нельзя не славословить Бога, когда вспом-

нишь, что ты из ничего создан, что ты предназначен от сложения мира к вечному блаженству совершенно туне, не по заслугам, когда вспомнишь, какая благодать Божия подается тебе от Бога для спасения во всю жизнь твою, какое бесчисленное множество грехов тебе прощается, и притом не раз, не два, а неисчетное число раз, какое множество естественных даров тебе подается, начиная со здоровья тела до струи воздуха, до капли воды. Невольно возбуждаешься к славословию, когда в удивлении видишь бесконечное разнообразие сотворенного на земле, в царстве животном, царстве растительном и минеральном. Какое мудрое устройство во всем — в великом и малом! Невольно славословишь и говоришь: *Чудны дела Твоя Господи, вся премудростию сотворил еси* (Пс. 103, 24); *слава Ти, Господи, сотворившему вся»* (I, 140, 141).

Подобно содержанию, самые свойства молитвы христианина должны соответство-

вать величию и совершенствам Того, с Кем вступает он в общение посредством молитвы. «Бог, — говорит отец Иоанн, — есть Истина: и молитва моя должна быть истинна, как жизнь; Бог есть свет; и молитва моя должна быть приносима во свете ума и сердца; Бог наш есть огонь; и моя молитва, как и жизнь, должна быть пламенна; Бог всесвободен; и моя молитва должна быть свободным излиянием сердца» (II, 256). Ни на чем так часто не останавливается внимание отца Иоанна в его размышлениях о молитве, как на этих свойствах молитвы христианина: ее искренности, теплоте, пламенности, сердечности. «Во время молитвы, — пишет отец Иоанн, — каждое слово нужно произносить сердцем, с тою силою, какая содержится в каждом из них, как и лекарства принимаются, обыкновенно, с соответствующею каждому из них лекарственною, данною им от Творца, силою. Если выпустим силу или эссенцию, лекарства, тогда оно не будет действенно и набьет только оскомину; так точно, если на молитве будем произносить

слова без силы их, не чувствуя их истины сердцем, мы не получим пользы от молитвы, потому что истинная плодотворная молитва должна быть в духе и истине. Слова молитвы соответствуют лекарственным составам или специям, имеющим каждая свою силу и вместе составляющим целебный для тела прием. Как аптекари берегут силу ароматичных составов лекарственных, держа их крепко закупоренными в стеклянных или в другом каком сосуде, так и мы должны хранить крепко силу каждого слова в своем сердце как в сосуде, и не иначе произносить его, как с соответственной ему силою» (I, 115). Степень участия сердца в молитве определяет и самую меру достоинства нашей молитвы, и в этом отношении молитвенное общение с Богом подобно нашему обращению с людьми. «Каковы мы бываем с людьми? Иногда мы холодно, без участия сердца, по должности или из приличия высказываем им свои просьбы, похвалы, благодарность или делаем для них что-либо; а иногда с теплотою, с участием

сердца, с любовью, иногда притворно, иногда искренно (I, 18). Так же неодинаковы мы бываем и с Богом. А так не надо. Надо всегда от всего сердца высказывать Богу и славословие, и благодарение, и прошение; надо всегда от всего сердца делать всякое дело пред Ним; всем сердцем всегда любить Его и надеяться на Него». Участие всего сердца в молитве необходимо особенно потому, что «Господь дает нам все не иначе, как по сердцу нашему (*даст ти Господь по сердцу твоему*, — Пс. 19, 5); каково сердце, таков и дар; если молишься с верою, искренно, всем сердцем, нелицемерно, то сообразно вере твоей, степени горячности твоего сердца, подается тебе и дар от Господа. И, наоборот, чем холоднее твое сердце, чем оно маловернее, лицемернее, тем бесполезнее твоя молитва, мало того, тем более она прогневляет Господа, Который есть Дух и ищет Себе поклоняющихся духом и истиною. Поэтому призываешь ли Господа, Божию Матерь, Ангелов или святых, — призывай всем сердцем; молишься ли о ком из живых или умерших, —

молись о них всем сердцем, выговаривая имена их с теплотою сердечною; молишься ли о даровании себе или другому какого-либо блага духовного, или о избавлении себя или ближнего от какого-либо бедствия или от грехов и страстей, худых привычек, — молись об этом от всего сердца, желая всем сердцем себе или другому просимого блага, имея твердое намерение отстать, или желая другим освободиться от грехов, страстей и греховных привычек, и дастся тебе от Господа дар по сердцу твоему. *Ему же аще хотите, просите, и будет вам* (Ин. 15, 7). Видишь, надо непременно хотеть того, чего просишь, тогда только и получишь» (I, 278). «Молящийся, как голодный, должен алкать, крепко желать тех благ, в особенности духовных; прощения грехов, очищения, освящения, утверждения в добродетели, коим он просит в молитве. То же разумей о благодарении и славословии Господа: алкай благодарить и славить Господа непрестанно, ибо все от Него, все — дары Его благодати и милосердия» (I, 370–371). «Помни, — говорит

еще отец Иоанн, — что если ты во время молитвы не празднословишь, а с чувством говоришь слова молитвы, то слова твои не возвратятся к тебе тощи, без силы (как шелуха без зерна), но непременно принесут тебе те самые плоды, которые заключаются в слове, как плод в оболочке. Это дело самое естественное, как естественны и обыкновенны в природе плод и оболочка его. Но если ты слова бросаешь попусту, без веры, не чувствуя силы их, как шелуху без ядра, то пустыми они к тебе и воротятся; шелуху бросаешь, шелуха к тебе и воротится; семя бросаешь — колос целый тебе принесет, и чем лучше, тучнее семя, тем обильнее колос. Так и с нашими молитвами: чем искреннее, сердечнее будешь произносить каждое слово, тем больше плода от молитвы; каждое слово, как зернышко, принесет тебе плод духовный, как зрелый колос» (I, 134—135).

Замечательны советы отца Иоанна относительно средств к приобретению этой горячности и теплоты сердца в молитве. Чтобы согреть и воспламенить свое сердце во

время молитвы, людям, не достигшим совершенства в молитвенном подвиге, необходимо прежде всего избегать спешности в произнесении слов молитвы и непрестанно бороться с собою, чтобы не допустить лености и невнимательности во время молитвы. «Кто поспешно, без сердечного понимания и сочувствия читает молитвы, побеждаемый своею ленивою и сонною плотию, тот служит не Богу, а плоти своей, самолюбию своему и ругается Господу своим невниманием, безучастием своего сердца в молитве: ибо Бог есть Дух, и поклоняющиеся Богу должны поклоняться Ему в духе и истине — нелицемерно. Как бы ни ленива и ни расслаблена была твоя плоть, как бы ни клонила она тебя ко сну, преодолей себя, не пощади себя для Бога, отвергнись себя, да будет дар твой для Господа совершен, дай Богу твое сердце» (I, 106—107). «Не стяжавшим сердечной молитвы, — пишет в другом месте отец Иоанн, — надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы.

А это не всегда скоро дается человеку, не привыкшему к молитвенному созерцанию. Поэтому редкое произношение слов молитвы для таких людей должно быть положено за неперемнное правило. Ожидай, пока каждое слово отдастся в сердце свойственным ему отголоском» (I, 30). Не следует при исполнении этого правила смущаться и тем соображением, что мы не успеем при редком произношении слов молитвы прочитать всех положенных молитв. Мы должны помнить, что «лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком». «Когда замечаешь, — пишет отец Иоанн, — что сердце твое хладно и молится неохотно, — остановись, согрей свое сердце каким-нибудь живым представлением, например, своего окаянства, своей духовной бедности, нищеты и слепоты, и потому молись не торопясь, с теплым чувством; если и не успеешь прочитать всех молитв ко времени, беды нет, а пользы от теплой и неспешной молитвы получишь несравненно больше, чем если бы ты прочитал все молитвы, но

спешно, без сочувствия. *Хощу пять словес умом моим глаголати, нежели тьмы словес языком* (1 Кор. 14, 19)». «Очень хорошо, разумеется, было бы, — продолжает отец Иоанн, — если бы мы могли с должным сочувствием сказать на молитве и тьмы словес: Господь не оставляет трудящихся для Него и долго предстоящих Ему; в нюже меру они мерят, возмеривает и Он и соответственно обилию истинных слов их молитвы посылает в душу их обилие духовного света, теплоты духовной, мира и радости. Хорошо продолжительно и непрестанно молиться, но не все вмещают словесе сего, но имже дано есть, *могий вместити, да вместит* (Мф. 19, 12). Не могущим вмещать продолжительной молитвы лучше творить молитвы краткие, но с горячею душею» (I, 165). «Припомни, что одно слово мытаря, от горячего сердца сказанное, оправдало его. Бог смотрит не на множество слов, а на расположение сердца. Главное дело — живая вера сердца и теплота раскаяния во грехах» (II, 402).

Из всех представлений, которые могут согреть и воспламенить сердце человека во время молитвы и сделать самую молитву пламенной и искренней, наиболее могущественным, по учению отца Иоанна, является живое представление особенной близости Бога к человеку во время молитвы. «Зажигательное стекло, — пишет отец Иоанн, — тогда зажигает дерево или бумагу, или другое что удобосгораемое, когда мы наведем его на предмет так, что лучи солнечные, сосредоточенные в фокусе стекла, все сосредоточиваются на одной точке зажигаемого предмета, всю свою совокупность действует на него, и, таким образом, как бы все солнце в уменьшенном виде помещается на предмет. Так и в молитве: тогда душа наша согревается, оживляется и воспламеняется умным Солнцем-Богом, когда умом своим, как зажигательным стеклом, мы наведем на сердце как на духовную точку в нашем существе, это мысленное солнце, и когда оно будет действовать на сердце всю свою простоту и свою силу. То же и о Богородице и об Ан-

гелах и святых. Наведи на свое сердце их образы так, как они есть, со всею силою и святинею, пусть сердце примет озарение их на себя с возможною полнотою и силою, и оно воспламенится их любвеобильным, как бы огненным действием: их чистота, святость, благодать, сила сообщатся твоему сердцу, и оно будет само очищаться, само укрепляться в вере и любви, и чем далее, чем решительнее и постояннее ты будешь иметь сердце свое обращенным к Богу и к Его святым, тем более будет сердце твое просвещаться, очищаться и оживотворяться» (I, 114). Объясняя это воспламенение сердца при молитве приближением Бога к душе молящегося, отец Иоанн говорит: «Господь Бог в отношении к нашей душе — то же, что внешний воздух в отношении к ртути термометра, с тем различием, что расширение и стояние, повышение и понижение ртути бывает вследствие перемены в состоянии атмосферы, а там — Бог остается неизменным, вечным, вечно благим и праведным; душа же, изменяющаяся в отношениях своих к Богу, тер-

пит перемены в себе, именно она неизбежно расширяется, покоится в сердце вследствие приближения к Богу верою и добрыми делами и неизбежно сжимается, беспокоится, томится вследствие удаления своего от Бога маловерием, неверием истине Божией и делами противозаконными» (I, 19). Отсутствием живого представления о близости Бога к нашей душе во время молитвы объясняет отец Иоанн и усталость, испытываемую молящимися во время молитвы. «Говорят, — пишет он, — мы скоро устаем молиться. Отчего? Оттого, что не представляете пред собою живо Господа, — яко одесную вас есть (Пс. 15, 8). Смотрите на Него непрестанно сердечными очами, и тогда ночь целую простои́те на молитве и не устанете. Что я говорю — ночь! Три дня и три ночи простои́те и не устанете» (I, 176). Христианин должен твердо веровать, что он «мыслит, чувствует, говорит, движется и действует всегда в Боге, так сказать, в самом лоне Его: *во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Со всех сторон заключил Он тебя в Себе, проникает

тебя и знает. *Сзади и спереди*, говорит святой пророк и царь Давид, *Ты заключил меня и наложил на меня длань Твою* (Пс. 138, 5). В Боге же и Божия Матерь, все святые Ангелы и все святые. Чего же ближе? Кто может быть удобосообщимее с верующими христианами, как святые Ангелы и человеки? Призывай же с верою, упованием и любовью как Самого Господа всяческих, так и святых Его, прося их ходатайства за себя пред Богом; как просишь живых о чем-либо за себя, стоя с ними лицом к лицу, так проси Ангелов и святых помолиться о тебе Богу, твердо веруя, что они находятся лицом к лицу к твоему сердцу» (I, 281).

Живое представление близости Бога и святых к сердцу молящегося христианина весьма важно и потому, что оно как нельзя более содействует сосредоточению внимания нашего на самой молитве и благоговейному предстоянию пред Богом. «Некто во время молитвы, когда он делался вял, расслаблен духом и телом и ему хотелось дремать, возбуждал себя следующим внутренним воп-

росом: с кем ты беседуешь, душа моя? — и, живо представляя после этого пред собою Господа, начинает молиться с великим умилением и слезами; притупленное внимание его изощрялось, ум и сердце просветлялись, и он весь оживотворялся. Вот что значит живо представлять пред собою Господа Бога и ходить в присутствии Его! Если, говорил он дальше, душа моя, ты не смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с людьми, высшими тебя, чтобы не оскорбить их, то как ты смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с Господом?» (I, 216—217). «Ведь, молясь Богу, ты беседуешь с Ним лицом к лицу; беседуй же с Ним как с Царем — глаз на глаз, с Материю Царицею Небесной беседуй, как с живою, с Ангелами и святыми так же, как глаз на глаз, и отнюдь ничем посторонним сердце да не занимается в то время и ни к чему не прилепляется, ибо скажи: станешь ли ты, разговаривая с Царем или Царицею, заниматься в это время чемлибо посторонним или маловажным, например, смотреть в окно на проезжающих или

рассматривать вещи, находящиеся в покоях, и пр.? И не было ли бы это крайней обидой для царского величия? Как же мы при беседе с Господом делаем подобное и гораздо хуже этого?» (II, 219).

Но особенно важно и необходимо живое представление близости Бога и святых Его к душе молящегося потому, что оно может укрепить веру в возможность и действительность исполнения всех наших просьб и удовлетворения всех наших действительных нужд, с которыми мы обращаемся к Богу в своих молитвах. А эта вера — самое главное условие успешности нашей молитвы, без которого человек не должен и приступать к молитве. «Если не имеешь твердой непостыдной веры, — пишет отец Иоанн, — в Бога как Всеблагого и Всемогущего, не приступай поспешно просить Его о даровании какого-либо блага: иначе диавол сразит и уязвит тебя маловерием или неверием в возможность исполнения твоей молитвы, и отойдешь от лица Божия посрамленным, унылым и мрачным. — Не будь легкомыс-

лен, но наперед *сед, разочти*, по слову Господню, свое имение душевное, или взвесь веру свою — *аще имаши елика суть на совершение* (Лк. 14, 28). Аще ли же ни, — видящие твою несообразительность бесы начнут смеяться над тобою, говоря: сей человек начат здати и не може совершити (см. Лк. 14, 28—30)» (II, 249). Ввиду безусловной необходимости веры для успешности нашей молитвы необходимо заблаговременно, еще прежде молитвы, принять средства против сомнения и неверия. «Худо, — пишет отец Иоанн, — если во время самой молитвы сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней, — тогда и не думай, чтобы ты получил то, о чем просил Бога сумняся, потому что ты оскорбил Бога, а ругателю Бог не дает даров Своих! «*Вся, — сказал Господь, — елика аще воспросите в молитве верующе примете* (Мф. 21, 22), и, значит, если воспросите неверующе или с сомнением, не примете. *Аще имате веру и не усомнитесь*, еще говорит Он, *то и горы можете переставлять* (Мф. 21, 21). Значит, если усомнитесь и не

поверите, то не сделаете этого. *Да просит же* (каждый человек) *верою, ничтоже сумняся*, говорит апостол Иаков... *да не мнит сумняйся, яко примет что от Бога. Муж двоедушен, неустроен во всех путех своих* (см. Иак. 1, 6—8). Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение: оно болезненно томится и стесняется от сомнения. Не прогневляй же Вседержавного Бога ни тенью сомнения... Сомнение — хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа Истины. Бойся его как ядовитой змеи, или нет, — что я говорю, пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: *вериши ли, яко могу сие сотворити?* (Мф. 9, 28). Да, ты должен из глубины сердца ответить: «Верую, Господи!» (см. Мф. 9, 28). И тогда будет по вере Твоей. Твоему сомнению или неверию да поможет следующее рассуждение: я прошу у Бога: 1) существующего, а не

воображаемого только, не мечтательного, не фантастического блага, а все существующее от Бога получило бытие, потому что *без Него ничто же бысть еже бысть* (Ин. 1, 3), и значит, ничто и не бывает без Него, что бывает, а все или от Него получило бытие, или по Его воле или допущению бывает и делается при посредстве данных от Него тварям Его сил и способностей, — и во всем сущем и бывающем Господь полновластный Владыка. Кроме того, Он *нарицает и не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17), значит, если бы я просил и не сущего, Он мог бы мне дать, сотворив его; 2) я прошу возможного, а для Бога и наше невозможное — возможно; значит, и с этой стороны нет препятствия, потому что Бог может сделать для меня даже то, что, по моим понятиям, даже невозможно (I, 14—16), «кроме прямого зла, которое свойственно только диаволу» (II, 246). К возможности все осуществлять присоедини Его бесконечную благодать, по которой Он есть источник приснотекущий как бытия, так и всех даров бытия. Он есть Бог да-

рований, Бог милости и щедрот. *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7). К благодати присоедини премудрость Божию, которая в даровании умеет избирать для нас благо самое лучшее, самое соответствующее нашему духовному и телесному состоянию» (II, 246—247). Вооружившись таким образом против сомнения во время молитвы молящийся должен твердо верить, что Господь присущ каждому слову его молитвы и, о чем бы он ни просил Господа, Господь есть исполнение для него и для всякого молящегося каждого прошения их (II, 234), что чем с большею открытою сердечностию он верит Божию всемогуществу, тем с большею щедростию раскроется для него сердце Божие (I, 235). Уверенность в получении просимого в молящемся должна быть настолько сильною, чтобы он мог считать испрашиваемые блага уже перешедшими из сферы желаемого и ожидаемого будущего в сферу действительного, настоящего. «Когда молишься о чем-либо Господу или

Пресвятой Богородице, или Ангелам и святым — прося их ходатайства о себе или о других людях пред Богом, — тогда слова, выражающие твое прошение, твои нужды, почитай за самые вещи, за самое дело, которого ты просишь у Господа и веруй, что ты уже имеешь верный залог в получении предмета твоих прошений в самых словах, коими означается этот предмет. Например, ты просишь здоровья себе или кому-либо: слово — здоровье — имей за самое дело: веруй, что ты его уже имеешь по милости и всемогуществу Бога, ибо самое слово, название во мгновение у Господа может быть делом, — и получишь непременно просимое за свою непоколебимую веру. *Просите, и дастся вам* (Мф. 7, 7). *Елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам* (Мк. 11, 24)» (II, 242).

Говоря об условиях успешности и действенности молитвы, отец Иоанн весьма часто указывает еще на необходимость, в видах успешности и действительности молитвы, заботиться об уподоблении Господу, Его

Пречистой Матери и святым, к которым мы обращаемся в своих мотивах. «Как человек недобрый, — пишет отец Иоанн, — приходя с просьбою к человеку доброму, кроткому и смиренному, для лучшего успеха своей просьбы сам старается уподобиться ему, так христианин, приступая с молитвою к Господу или Пречистой Его Матери или Ангелам или святым, для успеха своей молитвы должен уподобиться, по возможности, Самому Господу или Пречистой Его Матери или святым. И вот в этом-то и состоит тайна приближения и скорого услышания молитв наших (I, 31). «Все, приступающие работать Господу в молитве, научитесь быть подобно Ему кроткими, смиренными и истинными сердцем; не имейте лукавства в душе, двоедушия, не будьте хладны, постарайтесь иметь Дух Его, ибо *кто Духа Христова не имать, сей несть Его*» (Рим. 8, 9) — ибо Господь подобного Себе и сродного ищет в нас, к чему могла бы привиться благодать Его» (I, 124—125). «Молящиеся Божией Матери должны подражать Ее смирению,

невообразимой чистоте, преданности в волю Божию и терпению; молящиеся Ангелам должны помышлять о горнем житии и стараться о духовности, отлагая постепенно плотность и страсти плотские, также о пламенной любви к Богу и ближнему; молящиеся святым да подражают их любви к Богу и презрению мира или суетных его благ, их молитве, воздержанию, нестяжанию, терпению болезней, скорбей и напастей, их любви к ближнему. В противном случае молитва будет воздухобитием» (I, 370). А так как истинный христианин всегда чувствует в себе недостаток нравственных совершенств, то, памятуя о необходимости их для успеха молитвы, он во время молитвы всегда проникнут смиренным сознанием своих грехов, искренним раскаянием, сердечным сокрушением и твердым желанием получить от Бога прощение грехов и благодатную помощь для достижения тех самых совершенств, которые могут сделать его молитву живою и действенною и богоугодною. «Все молитвы, — пишет отец Иоанн, — предполагают

великую бедность и нищету вашего падшего естества; они предполагают также, что Господь — приснотекущий Источник всякого совершенства, всякого блага, что он есть наше сокровище неистощимое. Надо и самым делом иметь на молитве и во всякое время нищету духа» (I, 270). «Иногда человек молится, по-видимому, усердно, но молитва его не приносит ему плодов покоя и радости сердца о Духе Святе. Отчего? Оттого, что, молясь по готовым молитвам, он не калялся искренно в тех грехах, которые он учинил в тот день, которыми осквернил свое сердце, этот храм Христов, и коими прогневал Господа. Но вспомни он об них, да раскайся, со всею искренностью осуди себя беспристрастно — и тотчас водворится в сердце мир, превосходяй всяк ум (см. Флп. 4, 7). В молитвах церковных есть перечисление грехов, но не всех, и часто о тех-то самых и не бывает упомянуто, коими мы связали себя; надо непременно самому перечислить их на молитве, с ясным сознанием их важности, с чувством смирения и с сердечным

сокрушением» (146). «Так всегда сокрушайся: это верное, испытанное средство против грехов. Если же не получишь облегчения, вини себя самого; значит, ты молился без сокрушения, без смирения сердца, без твердого желания получить от Бога прощение грехов; значит, слабо уязвил тебя грех» (II, 58—59).

Итак, искренность и горячность сердца, твердая вера, крепкое упование и пламенная любовь к Богу, нравственная чистота и святость, кроткое, смиренное и исполненное сокрушения о грехах расположение сердца — таковы, по учению отца Иоанна, условия успешности нашей молитвы. Легко видеть, что собственными силами человек не в состоянии выполнить этих условий и что он нуждается в благодатной помощи уже для того, чтобы обладать хотя немногими из тех совершенств, которые делают нашу молитву богоугодною и о даровании которых, как мы видели, более всего и должен молиться христианин в своих обращениях к Богу. Отсюда становится понятным мудрый совет отца

Иоанна, которым оканчивается II том его дневника. «Кому хочешь молиться, — говорит здесь отец Иоанн, — того прежде молитвы попроси в сердце, чтобы удостоил тебя принести ему сердечную молитву, похвалу или благодарение, ибо мы только при укреплении от Духа Святого можем молиться, при укреплении от тех святых угодников, чрез которых хотим молиться Спасителю. Вознеси к Нему прежде молитвы и славословия сердечный глас, чтобы Он даровал тебе благодать искренней молитвы, чтобы иго Свое благое и бремя Свое легкое возложил на сердце твое, чтобы дьявольское кичение и противление ума и сердца рассеял. Если хочешь молиться Владычице, к Ней воззови от сердца, чтобы она сподобила тебя нелицемерно всем сердцем принести ей моление или похвалы и благодарение. Если Ангелу — воззови ко Господу, да сподобит тебя достойно принести ему молитву или воспеть его благодеяние, светлость и благодать его природы; если святому, — воззови к Духу Святому, коего святостию они освящены, да до-

стойно призовешь его или воспишешь ему хвалы и благодарение — ибо все мы только при укреплении от Духа Святаго Животворящего можем достойно и животворно молиться... Молитвы в истинном своем виде суть не что иное, как дыхание Духа Святаго. Сам Дух, сказано, ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными (см. Рим. 8, 26)» (II, 411—412).

Благодатная помощь свыше необходима молящимся не только для получения благодати искренней сердечной и пламенной молитвы, но и для того, чтобы во время молитв успешно бороться с многоразличными препятствиями, которые мешают христианину достигнуть совершенства в молитвенном подвиге. Источниками таких препятствий являются и мир с его суетными приманками, и плоть человека с ее греховными наклонностями, и особенно исконный враг рода человеческого, диавол, непрестанно старающийся смутить человека во время молитвы и сделать ее бесплодной. «Ввиду высочайших, важнейших предметов

веры, ввиду величайшей святости какая су-
ета, какие глупые мечтания занимают очень
нередко многих из нас! — пишет отец Ио-
анн. — Вот человек стоит пред иконами Го-
спода, Божией Матери, Ангела Хранителя,
святого или целого лика, дома или в храме,
и иногда вместо молитвы, вместо отложе-
ния на это время, в этом месте всякого жи-
тейского попечения он сводит свои счета
и расчеты, расходы и приходы, услаждается
прибылью, огорчается ощущением прибыли
или неудачею в предприятиях (о душевной
прибыли или убытке, конечно, нет и поми-
ну), или мыслит зло о ближнем, преувел-
ичивая его слабости, страсти, подозревая
его, завидуя ему, осуждая его, или, если это
в церкви, вглядываясь в лица стоящих близ
него, также на то, кто как одет, кто хорош
и кто нет, или строя планы, как провести
день, где побывать, в каком удовольствии,
в какой суете провести день. И это часто
бывает, когда совершается высочайшее пре-
небесное таинство Евхаристии, то есть Пре-
чистого Тела и Крови Господней; когда мы

должны быть всецело в Боге, всецело заняты размышлением о совершающемся ради нас таинстве искупления от греха, вечного проклятия и смерти, и о тайне нашего обожения в Господе Иисусе Христе. Как мы измельчали, как осуетились!» (I, 329—330).

«Где же живая вода в нашем сердце, бьющая ключом живительным в сердцах, всецело преданных Богу? Ее потому и нет, что она вытеснена из него житейскими суетами и прочими страстями. Нельзя в одно и то же время работать Богу и мамоне, говорит истина».

Другим не менее важным препятствием, мешающим христианину приступать к молитве и лишаящим нашу молитву лучших ее свойств — теплоты и искренности, являются чрезмерные заботы наши об угождении плоти, об изысканной пище и питье и о чувственных удовольствиях всякого рода. «Примечай за своею многострастною плотию, какой она величайший враг тебе*, — пишет отец Иоанн, — через тысячу похотей

* Живой Колос... п. 82.

она хочет удалить душу твою от Бога, расслабить, осквернить ее, умертвить ее, — она расслабляет чрез леность и холодность к молитве, к поклонам, к богомыслию. О, домашний вселукавый, льстивый враг! Доколе я буду с тобою? *Кто избавит меня от сего тела смерти?* (Рим. 7, 24)». «Как и когда нам позаботиться о нетленном одеянии души, — пишет в другом месте отец Иоанн, — кротости, правде, целомудрии, терпении, милосердии, когда все наши заботы, попечения и средства обращены на тленное одеяние и украшение тела?.. Как и когда нам позаботиться о пище нетленной, духовной, о питии благодатном — о молитве, чтении Слова Божия, писаний и житий святых отец, о причащении Тела и Крови Господней, когда мы не выпускаем изо рта своего пищи и пития и этого одуряющего, зажженного и курящегося зелья и дыма, столь для многих сладкого? Как взыгратья душе Духом Святым, когда мы заняты непрестанно играми и увеселениями земными, суетными? О, пагубная работа тлению, отводящая нас от жиз-

ни нетленной, истинной, вечной!» (II, 202). Отводя от истинной духовной жизни, плоть человека, преданного чувственным удовольствиям и допускающего излишества в удовлетворении даже естественных потребностей нашего тела, мало-помалу берет такой перевес над духом, что для последнего всякая деятельность становится уже крайне обременительной и почти невозможной. «Не питай пристрастно плоть свою, — пишет отец Иоанн, — не ласкай ее, не угождай ей и не усиливай ее тем против духа. Иначе, когда придется работать духом, например, молиться, тогда увидишь, как она возобладала духом и связала его по рукам и по ногам; все порывы его ниспровергнет, не даст встать ему и войти в силу свою; невольником будет дух у плоти» (I, 161). «О, как страшно, — читаем в другом месте дневника отца Иоанна, — для забав употреблять пищу и питье, пресыщаться и упиваться! Сытая утроба теряет веру, страх Божий и делается бесчувственной для молитвы, для благодарения и славословия Божия. Сытое сердце отвращает-

ся от Господа и делается, как камень, твердо и бесчувственно» (II, 127). Поэтому неблагоприятно поступают те, которые идут к Богослужению покушавши, добровольно налагая на себя ненужную и вредную тяжесть и заранее заглушая сердце свое для молитвы, преграждая к нему доступ святых помыслов и святых ощущений. Надо крайне остерегаться, чтобы не есть пред Богослужением. Помнить надо, что *Царствие Божие несть брашно и питие* (Рим. 14, 17), т. е. не может царствовать Бог в том сердце, которое отягощено объядением и питием» (II, 310). «Если бы вы спросили, — пишет еще отец Иоанн, — отчего много людей неверующих, не молящихся, не живущих по-христиански, преданных всяким порокам? Ответ готов: от служения богу чреву» (II, 350).

Настойчиво предостерегая приступающих к молитве от пресыщения и излишних попечений об удобствах и спокойствии плоти, от продолжительного сна, даже от излишней заботливости о внешней плотской чистоте, «...баня и продолжительный сон, —

замечает в одном месте отец Иоанн, — все, вместе взятое, очень неблагоприятствует духовной жизни и развивает леность и сладострастие», — великий молитвенник призывает нас к суровому обращению и борьбе с плотью и притом не только до молитвы, но и во время самой молитвы. Как ни трудно молиться в состоянии пресыщения, однако с помощью Божиею человек может покорить даже пресыщенную плоть и оживить ее самую молитвою. «Не верь плоти своей, угрожающей тебе несостоятельностью во время молитвы: лжет. Станешь молиться — увидишь, что плоть сделается покорною твоею рабою. Молитва и ее оживит. Помни всегда, что плоть лжива». Поэтому христианин не должен отчаиваться и унывать даже и тогда, «когда от разных нечистот, накопившихся в желудке и кишках, он чувствует себя нехорошо, в нерасположении и когда в этом состоянии молитва его бывает холодна, тяжела, исполнена уныния и некоторого отчаяния». «Господь, — пишет отец Иоанн, — знает твое болезненное при-

трудное состояние (II, 209). Борись с немощию, молись, сколько есть сил, и Господь не презрит немощи плоти и духа твоего».

Но самый страшный, опасный и могущественный враг человека во время молитвы есть не иной кто, как исконный противник Бога и человека, враг нашего спасения, диавол, нападающий на человека с особенною яростию в те моменты, когда человек стоит наиболее близко к Богу, т. е. во время молитвы. «Чем вернее и сильнее средство, соединяющее нас с Богом (молитва и покаяние), тем больше направляет против нее разрушительных действий противник Божий и наш, который употребляет для этого все: и расположенное к лени тело наше, и слабость души, и привязанность к земным благам и заботам, сомнение, так близкое всем, маловерие, неверие, скверные, лукавые и хульные помышления, тяжесть сердечную, помрачение мысли — все направлено бывает у невнимательных действиям врага к тому, чтобы запнуть на молитве на этой лестнице, к Богу нас возводящей» (I, 89). «Он всячески усилива-

ется стать твердою, высокою и мрачною стеною между душою молящегося и Богом или Богородицею, Ангелами и святыми, не допускает, окаянный, чтобы сердечное око зрело Господа и святых Его, затмевает всячески сердце, веру рассеивает, внутренности теснит, жжет, омрачает» (I, 277). Под его влиянием «люди, при лености и окаменелости сердца, иногда от малодушия и нетерпения фамильярничают с Богом на молитве и позволяют себе разные странности в голосе и движении, означающие нетерпение, недовольство, ропот и даже дерзость на Бога» (II, 396). Дьявол пользуется существующею в нашем ветхом человеке «замашкою при чтении слова Божия или писаний святоотеческих или богослужебных книг, молитв, канонов, стихир, символа веры иногда тайно противиться сказуемому, т. е. тому, что говорится и пишется. Это тайный голос противника — сатаны, который первый научился и научил падших духов и людей противиться Богу, Его святой истине и правде»*. Он нападает на моляще-

* Живой Колос... 1, п. 150.

гося даже тогда, когда молитва его совершается успешно и молящийся имеет уже внутреннее свидетельство, что Господь и слышит его молитву, и благоволит к ней, когда у него наступил уже мир помыслов, сделалось легко и сладостно на сердце; иногда уже «под конец молитвы из самого малого расслабления сердца и помышлений в сердце молящегося ввергается какое-то тяжелое бремя, расслабляющий сердце огонь, и молящийся чувствует и крайнюю тяжесть молитвы, и отвращение от нее вместо прежней легкости и расположения к ней. Это — козни врага, который любит посмеиваться над нами, особенно в конце наших благочестивых занятий, чтобы мы впали в уныние и сочли потерянными все предыдущие труды свои в святом деле» (I, 167). Особенно «в великие праздники враг и завистник наш, диавол, оскорбляет, печаливает и повергает нас в крайнее уныние, или болезнями телесными, удручающими и подавляющими дух, или своими духовными разжженными стрелами, или крайним бесчувствием и холодностию» (II, 383).

Какими же средствами располагает христианин для борьбы с врагом своим, всячески препятствующим ему во время его молитвы? Может ли он надеяться на победу над ним? Конечно, может, но не иначе как с Божиею помощью, которая всегда подается ищущему ее и просящему о ней. С этой помощью молящийся может, легко может прорваться сквозь ту стену, которую диавол усиливается создать между Богом и молящимся, и эта стена становится призрачною, мечтательною (I, 277). «Когда во время устной молитвы диавол будет подтачивать слова дождем тончайших мыслей, говори: владычество Спасителя во всяком слове и звуке» (II, 394). «Когда во время чтения канонов и акафистов Спасителю и Божией Матери и канона Ангелу Хранителю и при чтении молитв диавол будет шептать в сердце: неправда-неправда, натяжка-натяжка, и будет похищать от сердца силу (истину) слов молитвенных, *тогда будь яко глух неслышай, — буй и юрод* (см. Пс. 37, 14; 1 Кор. 3, 18), ни на мгновение не соглашаясь сердцем на

ложь врага и не мудрствуя его адскою лживою мудростию, и веруй твердо истине всей полноты церковных молитв и песнопений, зная, что это есть вещание Духа Святаго, устами святых человеков возгласившего хвалы, подобающие Спасителю, Божией Матери и святым, и наши немощи и окаянство» (II, 394). Когда во время молитвы диавол будет смущать тебя лукавыми и нечестивыми помышлениями, не приходи в отчаяние: «Тот грех, на который ты не соизволяешь, не вменяется тебе, например, невольное преткновение на молитве, помыслы скверные и хульные, произвольная злоба, с которою мы усердно боремся, скупость, которой мы отвращаемся, — все это нападения злого духа; наше дело — терпеть, молиться, смиряться и любить» (II, 224). Когда в самом конце твоей молитвы он поразит душу твою отвращением к молитве, тяжестью и унынием, «научись из этого вперед не угашать духа своего ни на минуту в продолжение молитвы, а о снятии бремени вражия с души твоей и о погашении огня его помолись сер-

дечно ко Господу, и получишь облегчение и мир» (I, 167). «Помни, что сила Господа всегда готова явиться к нам на помощь; Господу сил и Господу благодати приятно являть нам спасательную силу свою и избавлять нас от врагов видимых и невидимых» (I, 197). Так с Божиею помощью молящийся христианин может отразить все нападения врага своего, устоять в молитвенном подвиге и испросить у Господа все необходимое для его временной жизни и вечного спасения.

Мы никогда не кончили бы нашей беседы, если бы поставили своею задачею исчерпать все содержание глубокопоучительных для благочестивого христианского сердца размышлений отца Иоанна о молитве в его дневнике. Отсылая к изучению самого дневника отца Иоанна всех, желающих более подробно и обстоятельно ознакомиться с его воззрениями на молитву, закончим свою настоящую беседу одним из хвалебных гимнов самого отца Иоанна в честь молитвы, в котором он сам как бы объединяет важнейшие из своих замечаний о молитве и значении ее

в жизни христианина: «Молитва, — говорит в одном из таких гимнов отец Иоанн, — есть возношение ума и сердца к Богу, созерцание Бога, дерзновенная беседа твари с Творцом, благоговейное стояние души пред Ним, как пред Царем и Саможивотом, дающим всем живот; забвение для Него всего окружающего, пища души, воздух и свет, животворная теплота ее, очищение грехов, благое иго Христово, легкое бремя Его. Молитва — постоянное чувство (сознание) своей немощи или нищеты духовной, освящение души, предвкушение будущего блаженства, блаженство ангельское, небесный дождь, освежающий, наполняющий и оплодотворяющий землю души, сила и крепость души и тела, освежение и очищение мысленного воздуха, просвещение лица, веселие духа, золотая связь, соединяющая тварь с Творцом, бодрость и мужество во всех скорбях и искушениях жизни, светильник жизни, успех в делах, равноангельское достоинство, утверждение веры, надежды и любви. Молитва — сообщество с Ангелами и свя-

тыми, от века Богу угодившими. Молитва — исправление жизни, мать сердечного сокрушения и слез; сильное побуждение к делам милосердия; безопасность жизни, уничтожение страха смертного; пренебрежение земными сокровищами, желание небесных благ, ожидание всемирного Судии, общего воскресения и жизни будущего века; усиленное старание избавиться от вечных мучений; непрестанное искание помилования у Владыки; хождение пред очами Божиими; блаженное исчезание пред всесоздавшим и всеисполняющим Творцем; живая вода души; молитва — вмещение в сердце всех людей любовь; низведение неба в душу; вмещение в сердце Пресвятой Троицы, по сказанному: *к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23)» (II, 228—229).

Молитвами великого молитвенника и отца нашего Иоанна да дарует Господь и каждому из нас великий дар молитвы с ее неисчислимыми благами для нашего временно-го и вечного благополучия.

СОДЕРЖАНИЕ

О МОЛИТВЕ. Из дневника протоиерея отца Иоанна Кронштадтского	3
Значение молитвы в жизни христианина. По учению святого отца Иоанна Кронштадтского.....	52

Духовно-просветительное издание

Святой Иоанн Кронштадтский

О МОЛИТВЕ

и ее значении

в жизни христианина

Извлечения из дневника с комментариями пастырей

Составитель *Велько Александр Владимирович*

Редактор *Н. А. Светлова*

Технический редактор *Е. А. Ефанова*

Дизайн обложки *Ф. С. Кряжев*

Подписано в печать 20.12.2013. Формат 70×100 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 5000 экз. Заказ 27.

Белорусская Православная Церковь

(Белорусский Экзархат Московского Патриархата).

ЛИ № 02330/0494462 от 08.04.2009.

Ул. Освобождения, 10, 220004, г. Минск, Республика Беларусь.

По вопросам приобретения книги обращаться

по тел.: (+375 17) 254 79 56, 254 79 57; тел./факс 254 79 58.

E-mail: ibe@inbox.ru Web: www.drukar.hram.by

Отпечатано в Республиканском унитарном
предприятии «Издательство “Белорусский Дом печати”».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

